

№12

Декабрь 2021

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 10

«ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ
ПРОСТО ФАНТАСТИЧЕСКИЕ!»

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№12 (194)
Декабрь 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ОСТАЕТСЯ ЭНЕРГИЯ
НИНА МАЗУР
- 10 «ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ ПРОСТО ФАНТАСТИЧЕСКИЕ!»
ИННА БЕРИДZE
- 14 ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
НИНА ШАДУРИ
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 28 КУШАТЬ ПОДАНО!
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 32 ВОСПОМИНАНИЯ САНЫЧА
АЛЕКСАНДР ЭРИСТАВИ
- 39 СТИХОТВОРЕНИЯ
КОРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 42 ОТ ГОГОЛЯ ДО МРОЖЕКА... И ДАЛЬШЕ!
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 46 ГРУЗИНСКИЕ ХУДОЖНИКИ В ПАРИЖЕ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 50 МАСТЕР
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 53 «СВЯТО МЕСТО ОСТАЛОСЬ ПУСТЫМ...»

На обложке – НА ПОРОГЕ ЗИМЫ
Фото Александра СВАТИКОВА

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

БУЙНЫЙ НРАВ ВЕЛИКОГО ТВОРЦА

Мы привыкли считать, что гении отличаются непростым характером. Они раздражительны, капризны и эгоистичны, со скверными привычками и частенько подвержены таким ужасным порокам, что правдиво и соблюдая приличия описать их жизнь непросто. Особенно это касается гениев эпохи Возрождения, времена тогда были вовсе не вегетарианские и о пресловутой толерантности никто не слышал. Даже записные гуманисты тех времен были способны на жестокость и зверство. Но был среди них настолько анфан террибль (enfant terrible) – несносный, избалованный, что о нем слагают легенды по сей день. Его имя Микеланджело, как великого Буонарроти, а фамилия – Меризи. Но в историю он вошел под прозвищем Караваджо по названию ломбардского городка, где он родился осенью 1571 года. Прозвище ему дали в Риме. Тамашние жители вообще не заморачивались, запоминая новые имена «понаехавших» за славой провинциалов. Например, Веронезе из Вероны. А Микеланджело Меризи да Караваджо оказался не просто охотником за славой, а самым

настоящим гением, феноменальным живописцем, одним из создателей реализма в искусстве. Писал он просто потрясающе, что видели даже самые неискушенные люди. А еще он был необычайно умен. Даже признанные титаны мысли того времени не гнушались его обществом. Караваджо вел знакомство с Галилеем, познакомился в тюрьме с Джордано Бруно, часто сидел за кубком с Томмазо Кампанеллой и многими другими интеллектуалами. Их не смущал вид плохо одетого, почти в рубище, молодого художника, часто пьяного и вооруженного огромным кинжалом или шпагой, за которую его частенько забирали «в участок». Он водил дружбу также с отпетым отрепьем и ворьем. А еще Караваджо был феноменально вспыльчивым и несдержанным человеком. О, с кем только не скандалил Караваджо! – с заказчиками и натурщиками, с квартирной хозяйкой и священником, с собутыльниками и коллегами, с любовниками и любовницами, с ночной стражей и кредиторами. И ссорился он не только на словах – напившись, вышибал кому-то стекла, выбивал зубы и ставил синяки под глазами, как-то разобрал крышу в съемной квартире в поисках нужного освещения, как-то раз избил ночью коллегу, соседа нотариуса так отходил шпагой плашмя по спине и затылку, что бедняга попал к лекарям. С ночной стражей ссорился талантливый смутьян не раз и не раз сидел в каталажке. Правда, современники его ценили, и из-под замка его вызволяли и епископы, и герцоги. А однажды Караваджо в ссоре из-за игры в мяч и вовсе убил человека. И вот тут-то выяснилось, что он «попал», и его теперь никто не спасет. Сам Папа объявил его вне закона. Пришлось бежать. Сначала в Неаполь, а потом на Мальту, где его неожиданно тепло встретили тамашние рыцари и даже посвятили в свое братство, правда, без права ношения креста, ибо Караваджо не был дворянином. В благодарность он написал несколько прекрасных полотен, включая портрет в полный рост самого магистра ордена, но... Караваджо снова не удержался, устроил скандал с дракой и был посажен в каменный мешок. Ему удалось сбежать с острова на Сицилию. Тут пошел слух, что Папа, дескать, задумывается, чтобы помиловать эту «блудную овцу». Караваджо засобирился в Рим и перебрался сначала снова в Неаполь, тем более, что на него было совершенно покушение кем-то из многочисленных недругов. И, как в песенке про незадачливого корнета, от него уплыла нанятая лодка. Пришлось идти пешком по берегу, а был он уже болен. Лег прямо на песок и умер. Совре-

менные исследователи выяснили, что причиной смерти Караваджо был золотистый стафилококк. Так закончилась недолгая, всего 38 лет, жизнь буйного гения. Только вот парадокс, как он ухитрился при таком образе жизни написать около 150 сохранившихся доныне гениальных полотен.

ЮБИЛЕЙ РЕЗО ЧХЕИДЗЕ

Даже если бы режиссер Резо Чхеидзе снял только один поистине великий фильм «Отец солдата», он бы остался не только в истории культуры Грузии, но и в истории культуры Европы и мира. Его имя есть во всех энциклопедиях по кинематографии. Этот фильм стал повятом и людям другой культуры, говорящих на разных языках, он дошел, достучался до сердец зрителей разных стран. В этом месяце мы отмечаем 95 лет со дня рождения прекрасного мастера-творца, настоящей гордости знаменитого грузинского кинематографа. Пересказывать биографию Резо Давидовича его современникам, жившим с ним в одно время и в одном городе, думаю, неуместно. И просто вспомним этого замечательного творца, создавшего не один прекрасный фильм и послужившего славе родной страны – прекрасной Грузии.

О ГЕНИЯХ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

В школьных учебниках написано, что телескоп изобрел Галилео Галилей в 1621, то есть ровно четыреста лет назад. Он первым увидел великолепный полосатый Юпитер и четыре его спутника, а также кольца Сатурна. Только вот в чем загвоздка – никакого телескопа великий создатель вселенского мема «А все-таки она вертится» не изобретал. Галилей по-

просто купил две готовые подзорные трубы и прикрепил их на подставку в виде тяжелого медного кувшина, чтобы вся получившаяся оптическая система не дрожала. И наблюдал каждую ясную ночь звездное небо, делая свои потрясающие открытия. Тогда кто же, если не Галилей, изобрел телескоп? Естественно, подозрение падает на гения всех времен и народов Леонардо да Винчи, жившего на век раньше Галилея. В своих черновиках он точно изобразил подзорную трубу, как устройство из двух линз и одной трубки, а также изобрел шлифовальный станок для изготовления этих самых линз. Но и не Леонардо был первым, а живший до него почти за 250 лет гениальный английский монах-францисканец, брат Роджер Бэкон. В его записях есть описание комбинации линз, установленных на расстоянии друг от друга, и от этого получается мощное увеличение, позволяющее разглядывать в подробностях удаленные объекты на земле или диковинки на звездном небе. Бэкон был философом-эмпириком, то есть все старался подтверждать опытным путем, был и ученым-теоретиком, и алхимиком, а также занимался математикой, физикой и оптикой. Бэкон происходил из небогатой семьи и мог позволить себе тратить до двух тысяч фунтов в год на книги и инструменты. Он учился в университетах Франции и Англии, а после там преподавал. В Париже Бэкон читал лекции в университете по Аристотелю и пользовался успехом у студентов. Его называли «удивительный доктор». Был профессором богословия в Оксфорде, пока его оттуда не выгнали за вольнодумство и не посадили на двенадцать лет в тюрьму за непочтение к иерархам церкви и вообще за ересь. Но серьезно карать не стали – этот брат Роджер был личным приятелем Папы Кли-

мента IV, в миру рыцаря Ги Фулькауле Гро, который хоть и правил только четыре года, но помог Бэкону стать «неприкосновенным». Поэтому монах-францисканец вместо суровых и сырых подземелий сидел просто «под домашним арестом». И в своей лаборатории искал «философский камень», потому как кроме золота в те времена от ученого мало что требовалось. Золота Бэкон вроде не добывал, хотя кто его гения знает. Но за сто лет до другого монаха Бертольда Шварца первым в Европе изобрел порох. Правда, точно об этом стало

известно только в XX веке – Бэкон свой рецепт серьезно зашифровал, потребовалась даже ЭВМ, а современникам он оставил сведение о черном порошке из серы и селитры большой разрушительной силы. Пример этого гения, родившегося в начале XIII века еще до эпохи Возрождения, говорит о том, что и в такой древности было немало интересных людей, и что нас наверняка ждут еще немало открытий.

ФРАНЦ ЛИСТ – БЕСКОРЫСТНЫЙ ГЕНИЙ

Конечно, правильно его имя будет звучать, как Ференц, ибо он был чистокровным венгром. Но он был очень удивился, если бы его так называли – всю жизнь он был для всех Францем или Франсуа, так его величали французские знакомые. Да и почти всю жизнь этот великий композитор и фортепианный виртуоз прожил либо в Париже, либо в Германии, хотя, даже скверно говорящий по-венгерски, свою родину Венгрию он любил, пользовался заслуженным поклонением тамошней публики и неоднократно приходил ей на помощь – был случай, когда произошло страшное наводнение, Лист отдал все концертные сборы большого турне на помощь пострадавшим. И хотя по современным меркам Франц Лист, которому этой осенью исполнилось 210 лет со дня рождения, жил жизнью рок-звезды, которого боготворили, платили умопомрачительные гонорары, его внимания до-

бывались самые прекрасные дамы, внутри он оставался сердечным, добрым и благородным человеком. Его талант был замечен в детстве, его учил игре на фортепиано великий педагог Карл Черни, а композицию преподавал, кстати, совершенно безвозмездно, сам Антонио Сальери, его заметил совсем мальчишкой великий Бетховен. А концерты Франц начал давать в возрасте 14-15 лет, а сочинять еще раньше. О нем ходила слава доброжелательного человека, который, невзирая на популярность, никогда не говорил плохо о людях. Друзьями Листа были молодые и не очень звезды Парижа – Берлиоз, Дюма, Гюго, Мюссе, Жорж Санд, великий скрипач Паганини и, конечно же, друг и немножко соперник Фредерик Шопен. Они часто по-доброму поддуживали друг друга и устраивали соревнования на звание лучшего пианиста, и всегда была ничья. Между прочим, Шопена с Жорж Санд познакомил именно Франц. А она познакомила Листа с его будущей гражданской женой Мари д'Агу. Им даже пришлось уехать из Парижа от злой молвы на долгие 13 лет в скитания по странам. Но наступил момент, когда гениальный пианист устал, почувствовав наступление того, что в XX веке станет попсой. «Обывателю приятнее послушать попури из модной оперы, чем сонату Бетховена», – с горечью сказал Лист, перестал бесконечно гастролировать и осел в Веймаре. И тут выяснилось, что этот бог фортепиано, чудесник композиции и баловень меломанов, понял свое истинное призвание – он стал

давать уроки молодым пианистам и композиторам, считая консерватории неспособными довести талант до совершенства. И учил бесплатно! К нему съезжались музыканты со всей Европы. Его учениками были прекрасные пианисты второй половины XIX века – Эмиль фон Зауэр, Александр Зилоти, Таузинг, д'Альбер, Розенталь, Вера Тиманова, Софи Ментер и многие другие. Он был не только гением, но просто хорошим человеком. Слушайте его музыку. Она прекрасна!

ОСТАЕТСЯ ЭНЕРГИЯ

Нина МАЗУР

Вперед, к Шекспиру

Блаженство – спать, не ведать злобы дня,
Не ведать свары вашей и постыдства,
В неведении каменном забыться.
Прохожий, тсс.. Не пробуждай меня!

Микеланджело

«Сон разума порождает чудовищ», – написал Франсиско Гойя под одним из рисунков «Капричос».

Трагедия короля Лира, безрассудно раздавшего при жизни свое королевство дочерям и жестоко обманувшегося в них, волнует умы и сердца людей вот уже несколько столетий.

К великой пьесе Шекспира обратился и Берлинский театр «Русская сцена», обозначив жанр спектакля как «потеха грозная» (определение самого Шекспира). Камерную сценическую версию пьесы создала основатель и художественный руководитель театра Инна Соколова-Гордон, режиссер-постановщик этого спектакля. Она вычленила из сюжета линию Лира и его дочерей, поручив исполнение ролей двум актерам и насытив текст социально-фило-

софскими аллюзиями.

Режиссерский почерк талантливой Инны Соколовой-Гордон отличает неизменная изысканность, – как в построении мизансцен, так и в сценографических решениях, – в сочетании с простотой этих решений, вполне объяснимой для небольшого частного театра. И спектакль «О, мой безумный господин!» не стал исключением.

С первого появления на сцене двух персонажей они привлекают к себе внимание. Первому актеру (выразительному, раздумчивому Дмитрию Трину) предстоит стать королем Лиром, второму (пластичному и изменчивому, как пламя, Михаилу Лелю) – Шутом, Реганой и Гонерильей.

«Хорошие времена прошли», – констатирует 1-й Актер, а 2-й говорит об ответственности

человека за все, что происходит на земле. Отчетливая гражданственная нота звучит в спектакле, как натянутая струна; ветер событий заставляет ее вибрировать. А события развиваются стремительно. Вот уже король объявил о разделе королевства и ждет от дочерей хвалебных од в свою честь. На наших глазах Шут мгновенно превращается в Регану, затем в Гонерилью, находя для каждой свои краски, – и Лир получает желаемое: он слышит высокопарные речи дочерей, не распознавая их лживость. Интересный режиссерский ход: любящая дочь Корделия не появляется перед нами. «А что Корделии сказать? – говорит Шут. – Должна, любя, молчать». Истинное чувство молчаливо, его сыграть нельзя.

И вот уже Лир унижен и изгнан дочерьми, наступает ночь, бушует буря. Звенят извивающиеся цепи, образуя узоры молний; ляг металла – как звук приближающегося безумия... Самое время вспомнить о «нагих горемыках», к которым Лир был так безразличен в пору своего величия.

Но... «Шута играть пред горем – оскорбленье себе, да и другим», – произносит Шут, снимая с себя невидимую личину и превращаясь в Актера. И только начало войны и надежда на победу справедливости вновь возвращают на сцену Шута и Лира. Однако надежда оказалась тщетной, и Лир, прозревший перед погружением в вечный сон, «шлет проклятья всем войнам: прошедшим, настоящим и грядущим».

И снова мы не увидим Корделию. На сей раз она, умирающая, существует лишь в воображении Лира. Шут не облакает ее в плоть и кровь, как двух ее сестер. Реально лишь Зло...

«Уж не конец ли мира?» – вопрошает 1-й Актер.

И 2-й ему отвечает: «Его прообраз»...

«СЕВЕРНЫЕ ВСТРЕЧИ»

Как же еще можно было назвать, – без ложного пафоса, просто и достойно, – театральный фестиваль в сибирском городе?

Хороший вкус и чувство

Сцена из спектакля «Король Лир»

меры вообще отличают Нижневартковский городской драматический театр, возглавляемый Натальей Наумовой. Таким и получился фестиваль.

В этом году пандемия не позволила воплотить международную составляющую программы; тем ярче обнаружилась панорама российской жизни, тем ярче обнаружила себя палитра размышлений и чувств создателей спектаклей.

И, должно быть, совсем не случайно программу «Северных встреч» открыл спектакль «хозяев» фестиваля «Горка» по пьесе нижневартковского драматурга Алексея Житковского в талантливой постановке Ивана Миневцева. Тема «маленького человека», столь свойственная русской культуре, звучит здесь не только пронзительно и трогательно, но и с твердой верой в сохранность красоты человеческой души, в непреложность «нравственного закона внутри нас» – вопреки всему, что предлагает повседневная реальность.

А она, эта реальность, предлагает Насте, молодой воспитательнице детского сада в Сибири, борьбу за выживание в мире, где она никем и ничем не

защищена. Впрочем, и ее воспитанникам предстоит выживать в одиночку, как это делают их родители, – в меру способностей и возможностей.

Алена Михеева наделила свою Настю внутренним светом; за грубоватыми манерами девушки скрывается душа мечтательницы и настоящей женщины, чье призвание – любить и заботиться. Не ее вина, что жизнь предлагает ей суррогат: чужого ребенка, которого не сделаешь своим, и сожителя, который чужд душе. Выразительна сцена, где Олег (Сергей Лесков), ласкаясь к Насте, изображает медведя, но никогда ему не стать тем Медведем-утешителем, который живет в Настином воображении. И пусть маленький неприкаянный Озод (интересная работа Владимира Ткаченко) уйдет в свою «трудную» семью, пусть жестокая и жалкая заведующая детсадом Зульфия Фаридовна (Валентина Захарко) наслаждается своей властью над подчиненными, пусть крики музруководителя Марины (Евгения Царицкая) не имеют ничего общего с музыкальной культурой, пусть Настя стоит в самом низу этой «иерархии» – ее можно ранить,

но нельзя сломить. Она несет в мир добро. Горка во дворе детского сада будет построена, и личное восхождение Насте – пусть ее нравственная «горка» и незаметна для мира – будет продолжаться.

Нижневартковский театр представил на фестивале еще один свой спектакль: дуэтную инсценизацию чеховского рассказа «Супруга». Маленький шедевр Чехова поставила Анна Наумова (хореограф-постановщик Мария Плотникова). Яркое пластическое решение спектакля, его темпоритм, где паузы сменяются лихорадочной пульсацией, подобной биению сердца, – важные составляющие зловещей и драматичной атмосферы спектакля. Вот оно, Зло, – в нежном образе хрупкой молодой женщины, – и герою не уйти, не спрятаться. Разве что ждать неизбежной смерти...

Сергей Лесков точно передает неотвратимость Зла, вошедшего в жизнь успешного хирурга вместе с женьбой на очаровательной Ольге, и разрушающего его душу и тело. Уже первое появление Ирины Харченко в пластическом этюде рисует ее героиню мрачными и пугающими красками. Безнрав-

Сцена из спектакля «Горка»

ственная, жестокая и корыстная Ольга хочет безнаказанно развлекаться с любовником, но не собирается разводиться с мужем. Его благородный жест – предложение развода, чтобы она могла соединить свою судьбу с любимым человеком, – ей ни к чему. Она не любит никого, кроме себя. Развод Ольге невыгоден, а страдания мужа безразличны. Ощущение надвигающейся катастрофы растет на всем продолжении спектакля, но... ничего не произойдет. У Николая Евграфыча нет ни сил, ни воли для борьбы с хищницей.

Все останется по-прежнему...

К творчеству Андрея Платонова обратился Магаданский государственный музыкальный и драматический театр, представив на фестивале моносpektакль Марчеллы Стати «Семья Иванова» в постановке Радио-на Букаева. Война – дело мужчин, но как жестоко, как безжалостно прокатывается ее каток по женским судьбам... Да, гибнут те, кто воюют, но женщины и дети, выживающие в эти немислимые годы, – разве они не жертвы войны? Остаться на войне в живых трудно, но остаться человеком – еще труднее... Об этом и о многом другом – негромкий, бесхитростный, страшный в своей простоте рассказ актрисы.

За старым деревянным столом – зрители и рассказчица. Из

потрепанного чемодана достает она нехитрый реквизит, бережно раскладывает предметы быта, плетет тихим голосом неяркое кружево повествования. Обычные люди, простые чувства, понятные обстоятельства... И подлинный накал страстей.

Невидимо возникают из темноты и стоят рядом с нами «две странницы вечных, любовь и разлука», и с ними – верность и измена, страдание и прощение... Так рождается в муках «святая наука расслышать друг друга»...

Моносpektакль о судьбе женщины... На сей раз – женщины незаурядной, талантливой, оставшейся в истории. Образ Зельды Фицджеральд заинтересовал театр «Человек в кубе» из Ростова-на-Дону. Спектакль «Зельда» по В. Льюису создан и исполнен женщинами: режиссер и художник Катерина Рындина, балетмейстер Анна Щипакина, в роли Зельды – Наталья Аскарова.

Продуманные, логичные мизансцены, красота без красоты, трогательность без сентиментальности, театральность без театральщины, – работа создателей спектакля заслуживает высокой оценки. Зельда – в «доме скорби» (часто наблюдаемое стремление драматургов и режиссеров помещать своих героев в психиатрическую лечебницу здесь ни при чем – это

факт биографии); она – во власти образов, болезненных, ранимых, трагичных, неизменно связанных с балетом, которым Зельда фанатично занималась после попытки самоубийства из-за ревности к Айседоре Дункан. Два писателя – Скотт и Зельда Фицджеральд, оба эпатажные, страстные, увлекающиеся (в том числе алкоголем)... Такой брак таил в себе печальную развязку. Судьбе оказалось недостаточно развода, обоим ждала гибель: Скотт умер от сердечного приступа, а Зельда погибла при пожаре в психиатрической лечебнице, где находилась с диагнозом «шизофрения».

Две медсестры (актрисы Нина Буцаленко и Анна Кривонос), которых воображение Зельды превращает в балерин, – то грациозно-изящных, то неуклюже-изломанных – сопровождают героиню в ее реальном пребывании в клинике и в воображаемых странствиях по собственной судьбе. Монологи Натальи Аскаровой привлекают внимание: актриса погружена в материал, выразительна и искренна. Финальный огненный ад – реальный в случае Зельды – может быть воспринят и как жестокий рок, и как неизбежная кара...

А теперь – другая страна (Россия), другой социальный полюс (далекий от благополучия), другая (безвестная) женская

судьба... Горбатая женщина, кротко несущая свой крест, – нет, не горб – любовь к людям, ответственность за них. Ей всех жаль, всех-то она понимает и прощает: непутевых брата и сестру, их детей... Что уж говорить о калеке – племяннике, он и вырос-то под ее крылом. Ее тепла и света хватает на всех. И денег, заработанных тяжким трудом, – тоже... Ведь как не помочь родным людям! Да и не родным...

Мощный, истинно народный женский характер создает на наших глазах прекрасная актриса Марина Гапченко (Екатеринбургский театр «ТУТ») в спектакле «Горбатая» по пьесе Ярославы Пулинович. Милосердие и кротость – об этих забытых добродетелях напоминает нам каждое ее слово, каждое движение. Точная режиссура Екатерины Вяликовой словно растворилась в актрисе, но она ощутима. Чего стоит говорящая деталь: камни, которыми набит рюкзак, неразлучный с героиней... Тяжело? Конечно, но она невзначай подберет еще камешек, еще одну человеческую судьбу взвалит на плечи. Своя ноша не тянет... Кажется, чужой ноши нет для этой женщины с изуродованным телом и прекрасной душой. Нам преподан незабываемый, необходимый урок любви к жизни и к людям. «Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбят»... Трудный урок...

«Как один мужик продал душу дьяволу»... Что это? Русская народная сказка? Быль-небылица? Нет, это вечная классика, история Фауста. Не станем обижаться за Гете, тем более, что не его текст использован в спектакле Школы игрового театра из Санкт-Петербурга. Здесь и Кристофер Марло, и Александр Пушкин, и русский фольклор, словом, скоморошье действо. А почему бы и нет? В особенности, если в распоряжении режиссера и художника – Владимира и Маргариты Литвиновых – имеется такой универсальный актер как Николай Балобан: и швец, и жнец, и на дуде игрец... Легко, играючи (и легко играючи) творит он на сцене народную комедию «Фа-

Сцена из спектакля «Горбатая»

уст». Оживают в его руках забавные куклы (взять хотя бы Мефистофеля в виде рогатого козла), да и сам актер по щучьему веленью, по режиссерскому хотенью превращается в любую атрибут поучительного площадного зрелища. Словом, не связывайтесь с нечистой силой, люди хорошие, – сами знаете, чем это кончится!

Постановочная группа из Санкт-Петербурга во главе с режиссером Романом Нарцевым вдохновилась идеей перенести на сцену сложную прозу Леонида Андреева. Моноспектакль «Иуда Искариот» представил актер Самарского Молодежного драматического театра «Мастерская» Никита Ходенков. Высокие философские понятия надо было облечь не только в слова, но в плоть и кровь, а хореографические и вокальные вставки нисколько не облегчали нелегкую актерскую задачу.

Обреченность на предательство, самое известное в истории человечества... Имя, ставшее нарицательным... Духовные метания, мольба о прощении, обращенная к Тому, Кого предал, и самоубийство как единственно возможный исход... Да, непросто пропустить это через себя, и эмоциональный накал тут вряд ли поможет. Но говорят, дорогу осилит идущий... Уже само прикосновение к вечным истинам дорогого стоит, и нравственный посыл Леонида Андреева должен тронуть умы

и сердца зрителей.

Казахский театр, российский режиссер, киргизский актер... И есенинские строки... И – невидимо, но ощутимо – дух пугачевщины...

Марату Амираеву удалось нечто неуловимое и удивительное. Веяние степной вольницы, страсть и безрассудство, надежда и отчаяние – все это было в глазах актера, в его гибких движениях, в модуляциях голоса. Аутентичность...

Вместе с творцами спектакля размышляем над истоками бунта, видим его развитие и обреченность... «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе», – сказал в далеком XVI веке поэт Джон Харингтон.

Причудливо и вместе с тем логично переплел московский режиссер Алексей Шемес в спектакле «Пугачев. Рождение» казахского театра «Жас Сахна» письма Есенина с текстом его поэмы. Судьбы русского поэта и русского бунтовщика – что в них общего? Почему Есенин вызвал из небытия фигуру Пугачева? Что хотел осмыслить, о чем прокричать? «Я хочу видеть этого человека...». Кажется, нам это удалось.

Когда заканчивается фестиваль, что остается?

Конечно же, энергия.

Тепло.

Такие они, «Северные встречи».

Перед отъездом в Москву

«ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ ПРОСТО ФАНТАСТИЧЕСКИЕ!»

■ **Инна БЕРИДЗЕ**

По приглашению ГИТИСа (РАТИ) в Москве побывала группа студентов и молодых режиссеров из Грузии во главе с проректором Тбилисского университета театра и кино имени Шота Руставели профессором Гоги Маргвелашвили. Эта поездка стала продолжением Международной Летней театральной школы в Шекветили – проекта, осуществляемого Международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб» и ГИТИСом. В рамках поездки, продолжавшейся неделю, гости получили возможность посетить занятия и тренинги мастерской Евгения Каменьковича и Дмитрия Крымова, музеи, театры и художественные мастерские. Среди спектаклей, которые они посмотрели, – «Дочь фараона» в Большом театре, «Левша» и «Шведская спичка» в Театре Наций, спектакль «Моцарт. «Дон Жуан». Генеральная репетиция» в «Мастерской Петра

Фоменко», «Ревизор. Версия» в театре Et Cetera, «Реверс» в Театре мюзикла, «Евгений Онегин» в Театре имени Е. Вахтангова. А еще грузинская творческая делегация увидела предпремьерную репетицию спектакля вахтанговцев «Война и мир» в постановке Римаса Туминаса, пообщалась с мастером. В программу поездки были также включены экскурсии в Алмазный фонд, ГМИИ им. Пушкина и Государственную Третьяковскую галерею, Дом-музей К.С. Станиславского, Московский музей современного искусства и галерею Зураба Церетели. Как отмечается на сайте ГИТИСа, откликнувшись на просьбу вуза, все театры и музеи приняли гостей из Грузии бесплатно.

Гоги МАРГВЕЛАШВИЛИ:

–Идея этой поездки родилась во время традиционной Летней театральной школы в Шекветили, в которой, как правило,

участвуют студенты и педагоги, представляющие разные театральные школы. Со временем она приобрела и упрочила свой международный статус. Школа набирает обороты и становится все более и более популярной. И вот у руководителя проекта Николая Свентицкого возникла идея, помимо ежегодных встреч в Шекветили, активизировать контакты между разными школами напрямую. То есть осуществлять обменные визиты – имеется в виду обмен опытом, педагогами и т.д., чтобы студенты имели возможность знакомиться с методикой преподавания более подробно, в большем объеме, чем удастся добиться в течение двух недель театральной школы. Обсуждая эту тему, было решено сделать первый шаг – в сторону развития взаимоотношений Тбилисского университета театра и кино имени Ш. Руставели и московского ГИТИСа. Это и стало продолжением, развитием проекта. Как только возникла идея, мы начали обдумывать, как ее воплотить в жизнь. В Шекветили в нынешнем году присутствовала группа студентов и педагогов ГИТИСа по речи и сцендвижению во главе с ректором Григорием Заславским, который сразу поддержал понравившуюся всем инициативу. На этом этапе очень помог глава Секции интересов России при Посольстве Швейцарии в Грузии Дмитрий Александрович Трофимов, сделавший многое для того, чтобы проект осуществился. И вот когда все уже оговорили, когда приняли решения и определили сроки, была организована группа из молодых режиссеров и театроведов, и поездка состоялась. Она была очень полезной, познавательной. Думаю, за этим шагом последуют другие, с другими театральными школами. Предполагается ответный визит «гитисовцев» в Тбилиси, такие же обмены возможны между нами и киевлянами, львовянами, с вузами Молдовы и Казахстана. Словом, проект разрастается. Если план, намеченный Николаем Николаевичем, реализуется – а мы знаем, что, как правило, все, задуманное им, осуществляется, – то участие в Летней

Мастер-класс Гоги Маргвелашвили

школе примут представители многих стран. Все проявляют к школе огромный интерес, выражают желание приехать. Потому что видят: это интересно и дает результаты, помогает профессиональному росту.

Возвращаясь к поездке. Она была очень насыщенной. За семь дней увидели семь спектаклей. Причем самые хитовые, популярные, модные в Москве. Посетили Третьяковку, Пушкинский музей. Побывали в гостях у Зураба Церетели. Посмотрели его экспозицию в Музее современного искусства. Каждый день присутствовали на занятиях по разным направлениям – речи, танца, мастерства. Театроведы побывали на лекциях знаменитого Алексея Бартошевича, одного из лучших профессионалов не только в России. Увидели генеральные прогоны последнего спектакля Римаса Туминаса «Война и мир». Пообщались с режиссером после спектакля. Он с большой радостью уделил внимание грузинским гостям. Мы имели возможность посмотреть спектакли не только в государственных театрах, но и в частных. Например, в театре, которым руководит Михаил Швыдкой. Он тоже встретился со студентами, рассказал много

интересного. Участники поездки вернулись на родину, наполненные яркими впечатлениями, у них расширился кругозор. А самое главное, что стоит отметить: наши молодые быстро нашли общий язык со своими московскими сверстниками. Эти профессиональные и человеческие отношения очень полезны, важны. Эта часть проекта – прямые контакты – взяла старт и будет, я уверен, развиваться. Успеху нынешней поездки способствовало во многом и счастливое стечение обстоятельств. Обычно все растягивается на месяцы, но в Шекветили собрались все те, кто мог сразу что-то решить, поэтому все и было сделано так быстро, без проволочек. Насколько мне известно, у Николая Николаевича большие планы на то, чтобы эта театральная школа росла и развивалась, проходила ежегодно. И чтобы проходили следующие этапы – прямые контакты. Одно дело, когда сходятся профессионалы и очень интенсивно ведут занятия по обмену опытом, тренинги. Лекции читают лучшие педагоги, идут уроки по танцу и пению, которые, кстати, проводят наши, грузинские специалисты. И иное дело, когда преподаватели из Грузии отправляются знакомиться с разными театральными

школами на целый семестр или принимают на такой же срок своих коллег из других стран. Кстати, обсуждается и возможность совместных дипломных проектов, когда в идеальном варианте в них могут принять участие молодой сценограф из киевского вуза, грузинская постановочная группа, грузинские актеры и режиссер из ГИТИСа и т. п. Или другой вариант: актерская группа может быть киевская. Режиссер – из Кишинева, или Львова, или Вильнюса... Вот такая копродукция. Только на студенческом уровне. И для тех, и для других, и для третьих это будет своя дипломная работа. Проектов много, вариантов копродукции тоже много. Все упирается в чисто финансовые проблемы. Огромное спасибо Григорию Анатольевичу Заславскому за огромное внимание к нам, к нашим ребятам. Он сделал все для того, чтобы им было комфортно и интересно. Составил вместе со своими коллегами прекрасную программу, выбрал спектакли. С стороны Заславского было сделано все, чтобы за этот небольшой отрезок времени ребята успели посмотреть как можно больше и при том самое лучшее и интересное.

Встреча с Григорием Заславским

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ:

– Для ГИТИСа, для наших студентов, для меня приезд делегации из Тбилиси стал, по моему, таким же чудесным опытом, а теперь и воспоминанием, как и для наших гостей. Вместе мы побывали в Доме-музее Станиславского, куда можно ходить бесконечное число раз, а наши студентки-продюсеры, которые были для руставелевцев провожатыми, и сами впервые побывали в Алмазном фонде, например, и на спектаклях, и в театрах, куда даже москвичам попасть непросто. Главное, впрочем, состояло в общении, в разговорах, например, за столом в Театре мюзикла, где после спектакля основатель и худрук театра, гитисовский выпускник и профессор Михаил Ефимович Швыдкой, рассказывал историю грузинского театра второй половины XX века, о чем, боюсь, так ярко и подробно и в Тбилиси сегодня мало кто сможет рассказать. Вот это точно не забудется.

Участник поездки, режиссер Ника ЧИКВАИДЗЕ:

– Любый опыт важен, в данном случае это имеет отношение, прежде всего, к студентам, ведь для них значимо все новое. Любопытно было познакомиться с учебной программой ГИТИСа и сравнить ее с программой Тбилисского университета театра и кино. Мы узнали нечто новое, что хотелось бы внедрить и у нас – в методике. Заинтересо-

вали занятия по мастерству, по сценической речи – имею в виду технику упражнений, которые могут быть полезны нашим студентам. Когда ты имеешь дело с разными педагогами, то это тебя обогащает в любом случае, ты приобретаешь ценный опыт. Хочу отметить, что Гоги Маргвелашвили тоже проводил занятия для студентов ГИТИСа. Так что и наша школа прозвучала!

Сильное впечатление произвели репетиции Римаса Туминаса. Для молодых режиссеров присутствие на репетициях мастеров такого класса – это огромная школа, особенно если речь идет о такой выдающейся личности. Весь творческий процесс в театре Вахтангова – поразительная мобилизация созидательных сил, особые взаимоотношения режиссера и актеров. За этим было очень интересно наблюдать. Какая готовность, какое единение! Что особенно важно, когда режиссер ставит такой материал, как толстовская эпопея «Война и мир»... А еще мы были в музеях, посмотрели город и почувствовали пульс его активной культурной жизни, это очень ощущалась во время нашего пребывания в Москве! Мы посмотрели спектакли разных жанров – от драматических до оперных. Особенно впечатлил последний эксперимент Дмитрия Крымова «Дон Жуан». Генеральная репетиция», как всегда, поражающий новаторством и смелостью.

Каждый вечер мы собирались вместе в ресторане, беседовали, делились впечатлениями. Спасибо организаторам за гостеприимство, теплый прием!

Участник поездки, режиссер Георгий АПХАЗАВА:

– Я не впервые в Москве. Огромное впечатление произвел сам масштаб театральных постановок. Отношение к театру в плане финансирования, материально-технических затрат на спектакли. Колоссальное количество энергии, вложенной в каждый творческий проект, поражает! Естественно, это правильный подход. Потому что никогда драматический театр не был и не будет коммерческим видом искусства. Кто-то это понимает, кто-то не понимает. Российское государство, насколько я успел разобраться, старается всячески поддерживать драматические театры. Это очень похвально, надо попытаться и нам ориентироваться на такой подход. Поднять, так сказать, планку. Очень интересен учебно-творческий процесс в ГИТИСе. Во-первых, потому, что количество часов, которые выделяются на занятия по мастерству актера, сценречи, другим дисциплинам, впечатляет. Фактически люди живут в стенах ГИТИСа! Это тоже абсолютно правильно, потому что в театральной сфере по-другому жить и творить невозможно. Мой педагог Гия Кития окончил ГИТИС, а я получил образование в нашем театральной вузе. Так вот, наша группа в годы моей учебы и нынешние студенты, которым я преподаю, точно так же существовали и существуем в профессии. Молодые ребята день и ночь в театре, тщательно и упорно работают над отрывками, ролями... Очень правильно, когда такое огромное количество времени уделяется конкретно тем дисциплинам, которые нужны актерам и режиссерам для будущей работы над спектаклями. Вот это произвело в ГИТИСе колоссальное впечатление. Люди, которые занимаются театром, практически не отдыхают. Они живут только своим делом. По-другому нельзя!

Я не очень люблю оценивать спектакли, смотрю их обычно

как зритель. Одно из сильнейших впечатлений в Москве – репетиции Туминаса, еще раз убедившие в том, какой он великий режиссер и большой педагог. Тут даже нечего обсуждать. Я ведь знаю и о его студенческой жизни, потому что Римас Туминас был однокурсником режиссера, педагога Гии Кития в группе Иосифа Туманова. Естественно, это замечательная школа, можно часами сидеть, впитывать информацию, приобретать опыт в процессе репетиции. Наконец-то выпала уникальная возможность увидеть режиссера за работой. Конечно, одной репетиции Туминаса не хватило. Хотелось бы смотреть еще...

Культурная программа была очень насыщенной, мы посмотрели много музеев, достопримечательностей, исторических мест Москвы. Конечно, впечатления от этой поездки фантастические! Ректор ГИТИСа Григорий Заславский – потрясающий, теплейший, наиприятнейший человек. В нем чувствуется тепло, доброта. Что, к сожалению, в наше творчески голодное, бедное время очень большая редкость. А этот человек несет свет! К тому же Заславский очень открыт. Я рад, что именно он стоит во главе такого прекрасного вуза. Видно, что Григорий проводит невероятную работу ради процветания своего вуза. К сожалению, таких людей сегодня очень мало. И в творчестве, и в других сферах нашего бытия...

Надеюсь, все это будет иметь продолжение. И Николай Николаевич Свентицкий сделает все, чтобы это не закончилось. За все ему огромное спасибо. Не знаю, как это вообще можно было организовать. Николай Николаевич своими феноменальными способностями, талантом создал всю эту замечательную ситуацию. Свентицкий осуществил что-то из сферы научной фантастики. Это было абсолютно нереально на сегодняшний день, но этот человек смог сделать нереальное реальным. Он ведет колоссальную работу, непонятно, как одному человеку это под силу. Подобному можно просто завидовать и учиться, учиться...

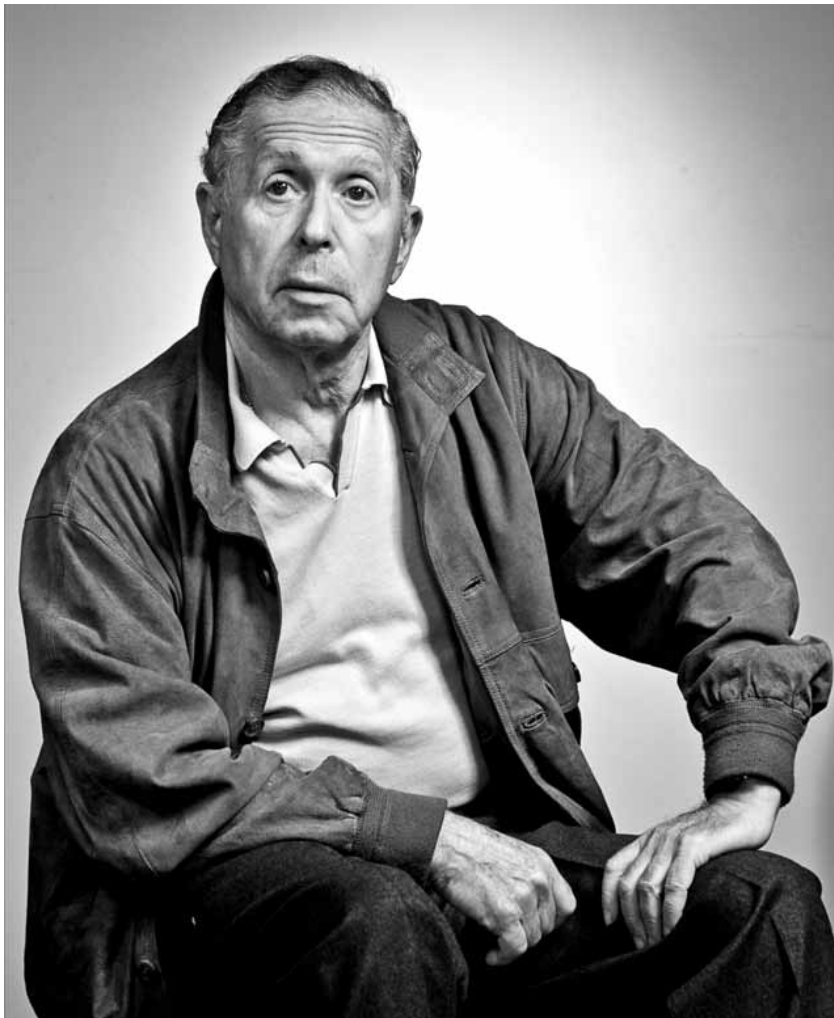

В Доме-музее Константина Станиславского

Николай СВЕНТИЦКИЙ:

– Очень хорошо, что наши студенты знакомятся с театральной жизнью разных стран. И чем больше будет этих стран и поездок, тем лучше – от них только польза! Тем более, если говорить о состоявшейся поездке. Грузинские студенты не только ездили на экскурсии, но и смотрели спектакли самых выдающихся режиссеров, побывали в лучших театрах страны! Это очень интересная школа и практика. Кроме того, они были на занятиях в ГИТИСе, а это один из самых крупных театральных вузов мира, «планеты Земля»! Наши ребята познакомились со своими сверстниками, обсудили возможности дальнейшего повышения своего общеобразовательного уровня и получили яркие впечатления. Более того, была предложена интересная культурная программа, в которую входило посещение замечательных музеев! К примеру, наши студенты посмотрели галерею своего выдающегося соотечественника Зураба Церетели. Все это только на пользу, в копилку знаний. Эти впечатления в дальнейшем будут использованы в творчестве. Они на всю жизнь! Участники поездки мыслями будут вновь и вновь возвращаться к своим впечатлениям, вспоминать нюансы увиденных спектаклей, репетиционного процесса, и это, безусловно, поднимает их профессиональный уровень. Чем

больше будет таких поездок и в Российскую Федерацию, и в другие страны, тем лучше. Потому что культура, насколько бы она ни была сильна, не может замыкаться только на своем, национальном. Это гибель! Любая культура должна проникать в другие культуры, питаться другими культурами. Кстати, в декабре в Москву поедет группа наших театроведов на семинар выдающегося, всемирно известного театроведа Алексея Бартошевича. Это великая школа! Тем более, что наши студенты – не просто слушатели, а участники, которые выступят со своими докладами, сообщениями о грузинском театре. Это очень важно – рассказать о происходящих у нас процессах театрального образования и театральной жизни. Уже состоявшаяся московская поездка тоже была взаимно интересной. С двумя лекциями – мастер-классами на огромную аудиторию выступил Гоги Маргвелашвили, и они имели большой успех, были встречены аплодисментами. Потому что он показал уровень грузинской школы, и, конечно, это не могло не вызвать большой резонанс. Что касается контактов с другими странами, то нам бы хотелось, чтобы у грузинских студентов были совместные проекты и с Украиной, США, Францией, Китаем... Творческие связи с любой страной – это только плюс!

Юрий Ряшенцев

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

■ Нина ШАДУРИ

Все считают знаменитую гегелевскую фразу аксимой, но история не всегда повторяется как трагедия или фарс. Такое повторение может быть, уж поверьте, самым настоящим счастьем, и оно с нами случилось дважды – под небом и солнцем Грузии. В 2011 году мы праздновали 80-летие Юрия Ряшенцева в дни Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, на котором поэт был почетным гостем, а десять лет спустя, в 2021-м, участники и гости Международной Летней театральной школы «Шекветили-2021» поздравляли Юрия Евгеньевича с

90-летием, и были песни, стихи, танцы, тосты... И было счастье.

А вот и еще одна круглая дата: ровно 40 лет тому назад в Тбилиси вышел сборник стихов и переводов Юрия Ряшенцева «Иверская сторона». Как вы сами понимаете, все 10 000 экземпляров исчезли из магазинов в мгновение ока, и сейчас эта книга – раритет и библиографическая редкость.

Наш разговор с Юрием Евгеньевичем начался именно с того, что я показала ему мой экземпляр, как говорится, зачитанный до дыр...

– Да... До сих пор «Иверская сторона» и есть моя главная книжка, связанная с Грузией. Я

люблю ее. В ней собраны переводы, которые я к тому времени считал главными.

– А как вы начали переводить с грузинского?

– Понимаете, как сложилось... Я работал в отделе поэзии журнала «Юность» и параллельно переводил бурятских поэтов. И моя сестра, которая работала в ленинградской «Библиотеке поэта», предложила мне сделать несколько переводов из Тициана Табидзе – у них как раз выходил его сборник.

– Все началось с Тициана?

– Да, конечно. Я сказал, что буду переводить только при одном условии – сделаю несколько переводов и поеду к жене Тициана, Нине, и его дочке Ните. Если им понравится, то, что я сделал, буду продолжать. Так и договорились. Я поехал в Тбилиси, встретился с Ниной, она одобрила мои переводы, и я взял на перевод довольно большое количество стихотворений Тициана. Как странно, здесь, в Шекветили, я вдруг их вспомнил наизусть. А ведь никогда не помнил... Ну вот, и я начал переводить – Галактиона Табидзе, Гоглу Леонидзе, Джансуга Чарквиани, Хуту Бериулава... Довольно большая «команда» грузинских поэтов у меня образовалась. Я вообще много переводил с разных языков, но грузины для меня – главное. Думаю, что это европейской силы поэзия. И очень своеобразная.

– Поэзия вообще трудно переводима?

– В каждом случае возникают свои трудности. Например, при переводе женщин-поэтесс мужчиной. Соответственно, есть трудности у поэтесс при переводе поэтов-мужчин. В поэзии многое решает жест. «А ты думал – я тоже такая, что можно забыть меня», – говорит Ахматова, и мне всегда казалось, что это «А...» растянуто, то есть, гневное такое «Аааа!». Но в стихотворении написана одна буква «а» и без запятой – это совсем другой жест. Если переводчик нашел верный жест, значит, он попал в точку и может передать автора. Поэтому, когда я переводил, например, Лию Стуртуа, то пытался

С мамой

искать какие-то вещи, которые, как мне казалось, характерны для ее походки. Вообще, поэзия – вещь физиологическая.

– **Вот тебе и раз.**

– Я настаиваю на этом. Поэзия в гораздо большей степени физиологическая, чем идеологическая или какая-то другая. Идей – всего 16, или сколько их там... А вот та физиологическая система, которая и является поэтом, расставляет акценты, придыхания, свойственные именно этому автору. Она все и решает в итоге – получилось или не получилось.

– **А как же необъяснимая магия поэзии?**

– Так необъяснимое и кроется во всякого рода физиологических вещах. В походке, например. Или в дыхании. Поэт Багрицкий был астматик. И астма сказала на его стихах, на задышающемся дыхании, которое создавало ритм. Вот послушайте: «По рыбам, по звездам/ пронесит шаланду:/ три грека в Одессу/ везут контрабанду»... Все построено на этом дыхании.

– **Что отражается в ваших стихах? Какая у них физиология?**

– Конечно, мне самому очень трудно сказать. Хотя на днях Саша Браиловский начал читать

стихи, и я сказал: «Что-то знакомое». «Да что вы! – изумился он. – Это ваши стихи, детективная поэма, которую вы когда-то написали. Сразу узнается ваш стиль». Я могу ошибаться, но мне кажется, что для меня характерны перепады. Говорю, говорю вяло и вдруг в неожиданный момент взрываюсь! Никогда не вру в стихах – это грешно, и если я физиологически верен себе, и понимаю, что в этом стихотворении я с пятой строки взорвался, то, значит, пошло.

– **Ваш друг Юлий Ким поздравил вас с юбилеем такими строчками: «И ты встаешь, без проволочки,/ душа поет, рука легка,/ пусть кто-то там – ни дня без строчки,/ ты – ни секунды без стиха!» Это правда?**

– Если учесть, что вышло пять томов собрания сочинений и после того еще несколько книжек, то, видимо, правда. Понимаете, с возрастом я стал чувствовать, что если сегодня не пишу, то... Нет, день не пропал, абсолютно не пропал. Но мне не по себе. Последнее время физически плохо себя чувствую, если не работаю. Причем у меня есть способы физически приводить

себя в то состояние, когда мне хочется работать. Например, образовался затык в стихотворении – ну, не идет оно. И я знаю, что если лягу, то через две минуты пойдет. Почти безошибочно, почти всегда. Что это, если не физиология? Иногда только коснусь головой подушки – и сразу пошло. Вообще, много странно-го у этой профессии. В советское время все на идею упирали. Хотя идея сама по себе в стихах ничего не стоит. Если я заранее знаю, что именно напишу, – это не будет сочинение, это будет изложение.

– **Хочется говорить о серьезных вещах и задавать вам важные вопросы – о жизни, о вере, о смерти, о маме, о любви...**

– Очень хорошо. Замечательно.

– **Не очень корректный вопрос, вы уж простите. Что значит быть 90-летним? И вы совершенно не выглядите на 90!**

– Некоторые говорят, что это благодаря спорту. Я так не думаю, хотя всю жизнь занимаюсь спортом. Знаете, какую кличку мне дали друзья? Вялый!

С Галиной Полиди

Владимир Саришвили, Маквала Гонашвили, Юрий Ряшенцев, Юлий Ким. 2011

Отчасти иронически, ведь я часто взрывался – но взрывался из крайне вялой позиции. Такое кажущееся отсутствие темперамента... Что такое 90 лет? Хочется много лежать. Тем более последние 4-5 лет я не играю в теннис. Я люблю хорошо делать то, что делаю, и когда вышел на корт после операции и увидел, что не могу играть так, как хотел бы, больше не выходил. Не люблю проигрывать.

– С возрастом что-то меняется?

– Меняется. Довольно стандартно. Если у человека нормальное развитие, то он становится добрее, лучше понимает и больше прощает. Это очевидно. Раньше я не прощал те вещи, которые сегодня для меня совершенно естественны. У меня в жизни довольно много драматических ситуаций, и я не совершаю поступков, которые совершил бы раньше и о которых потом жалел. С возрастом очень много теряешь. И все чаще и чаще. С начала этого года я потерял двух очень близких друзей и одного хорошего знакомого. Не говоря о других вещах... Вообще, смерть – это главная собеседница. Я всю жизнь бесе-

дую со смертью. Всякий автор с ней беседует – то уговаривает, то побеждает, то отступает... Мы же выросли в чудовищном обществе, которое нам внушало, что «там» ничего нет, а смерть – это конечный результат. И утешало нас – ничего, мол, там хорошего нет. Если человек представляет, что с его уходом все исчезает, то он, пока жив, не может радоваться. Я не представляю себе искреннего атеиста оптимистическим человеком. В этом смысле Грузия очень много мне дала. У меня есть стихотворение «Легко о смерти говорить с грузином». Грузины абсолютно убеждены, что «там» есть жизнь...

– Вообще, вера ведь должна быть радостной, правда?

– Конечно! В этом смысле церковь скорее убавляет, чем прибавляет. Очень мало священников, которые по-настоящему светлы. Обычно православный священник – существо довольно мрачное. Поэтому у меня к церкви много претензий в этом смысле. И если меня спросят, верующий я или нет...

– Спрашиваю.

– Мне очень трудно ответить. Я крещеный, одно время до-

вольно часто бывал в церкви. Не могу сказать, что церковь меня успокоила или утешила. Наоборот, я ощутил, что лучше верю без священников, чем рядом с ними... Однажды я был на исповеди – это был единственный раз – и батюшка, к которому я очень хорошо относился, принимал мою исповедь, а одним ухом все время прислушивался – в церкви параллельно происходили разные события, и он время от времени говорил мне «одну минуточку». Вот это «одну минуточку» мне запомнилось навсегда.

– Вы исповедуетесь стихами. Может быть, батюшки вам для этого и не нужны.

– У меня со смертью, с одной стороны, всегда были неприязненные отношения. С другой, я понимал, что на самом деле смерть – не совсем то, что мы себе представляем. Я был очень привязан и до сих пор привязан к маме. Она очень много мне дала. Я всегда ношу медальон с ее портретом. Она была талантливым, смелым и красивым человеком. Выросла в начале века, когда атеистическое слово гуляло вовсю. Дед был уездный доктор. И она, соответственно, была

светским человеком. Но какие-то прорывы у нее бывали. Хорошо помню Оренбург (тогдашний Чкалов), казачью станицу, в которой я провел всю войну. Мы с мамой едем на лошади – еле запрягли, запрягать-то не умели. И она вдруг вспомнила молитву... Или когда я привез ее в Грузию – мы вышли из дома Ладо Гудиашвили, она зашла в Кашвети и поставила свечку именно за эту семью, за этот дом... Я понимал, что в маме атеизм поработал очень серьезно. Но мне было важно привести ее к тому, во что я сам верил: не может быть, чтобы «там» ничего не было. Не может быть. Мне казалось, что я ее убедил. У меня есть такое воспоминание. В последние годы мама уже не работала. Лежала на диване. Как-то раз зову: «Мама!». Она не отвечает. «Мама, мама!» Никакой реакции. Дышит, но – ничего. И так длилось минут пять. Потом пришла в себя. Такое повторялось не раз и каждый длилось дольше – 10 минут, потом 15 минут. И однажды она мне сказала: «Что ты так нервничаешь? Я в порядке. Я сверху все вижу». И рассказала все, что я потом прочел у Моуди, в книге «Жизнь после смерти». То есть я получил подтверждение от собственной мамы.

– Давайте про любовь. У Моэма есть фраза – любовь не стоит всего того шума, который вокруг нее поднимают.

– Она может стоять, а может и не стоять. Но если стоит – то это, может быть, единственное на свете, что того стоит. Любовь – это то, что запомнилось. При этом, если уж совсем откровенно говорить, у меня так устроен организм, что если это любовь, то физиология в данном случае – не главное. Но зато она главная в отношениях с другими. Вот такая раздвоенность. Если любишь, главное – любоваться, главное – чтобы нравилась. А какая-то другая девушка может совершенно не нравиться. Но влечь к ней может со страшной силой.

– Мужские дела.

– Вот это и есть раздвоенность. Разные были истории – и серьезные, и не очень. Черета

преlestных очаровательных женщин... Кого-то я похоронил, с кем-то до сих пор перезваниваемся, дружим... И, наконец, Галка. Она со мной уже – страшно сказать! – тридцать лет. Сначала я научил ее водить машину – и сейчас она гоняет, как сумасшедшая. Потом научил играть в теннис и получил прекрасного партнера. Потом мы начали вместе писать пьесы. Она необыкновенный человек. Жизнь сложилась!

– Вы рассказывали что поздно пришли в поэзию. Как вы думаете, можно ли опоздать с выбором профессии?

– Опоздать можно... У меня есть такие строчки: «Не люблю целеустремленных/ и ценю их, а не люблю». Это в шутку сказано, конечно, но я на самом деле не люблю, когда люди идут к цели, ломая все на свете. Я всегда делал то, что хотел. Например, очень серьезно относился к спорту, играл в приличных волейбольных командах на уровне первого разряда. Мне нравилось писать стихи. Другие мучились – ой, мне 28 лет, а я еще книгу не издал. Ну и что? Мне было 35, и у меня не было ни одной книги. Ну и что? Меня это никогда не волновало. Правда, одна из моих умных сестер-филологичек однажды сказала: «Юра, ты понимаешь, еще чуть-чуть – и ты не состоишься». К тому времени уже было ясно, что я занимаюсь литературой. Стихи-то я писал, а сам ездил по стадионам, и никаких плодов литература мне не приносила. Но я, видимо, очень

счастливый человек, потому что целеустремленность мне была не нужна.

– Все приходило само собой?

– Я никогда не дружил с тем, с кем надо, и не пользовался дружбой тех, с кем дружил. Например, Борис Слуцкий. Или Давид Самойлов. Я любил обоих, был хорошо с ними знаком. Но никогда не читал им своих стихов. Дошло до того, что, когда вышла моя первая книжка, позвонил Слуцкий (я изумился – он никогда мне не звонил) и сказал: «Я только что прочел вашу книгу. Это не та книга, которая нужна народу, который любит черный хлеб и которому нужен черный хлеб. У вас своя дорога». И повесил трубку. Это был большой комплимент. Да, у меня все получалось само собой. Но лет на 25 позже, чем могло бы быть. И что с того? А случилось бы все раньше, и я пропустил бы пять прелестных женщин, десятки классных соревнований и так далее. Я везун. Сейчас мне вдруг дали дачу в Переделкино. Но мое заявление в первый раз «потеряли» аж в 1990 году. Тридцать лет прошло! То есть в итоге я все получаю – но поздно. Вот отсюда и образовалось 90 лет. Знаете, я никогда не представлял себе ангела-хранителя. Но похоже, что какое-то существо, то вещество, которое тебя охраняет, все-таки есть. Иначе бы я не дожил до этих лет. Я пошел сегодня плавать, заплыл метров на 50, и меня волна потащила в море...

Нина Шадури, Юрий Ряшенцев, Фати Давитулиани. Шекветили. Август 2021

С Юлием Кимом. Шекветили. Август 2021

Я вышел на берег и вспомнил, сколько таких ситуаций, но с гораздо большей опасностью, случилось в Пицунде, в Крыму – и каждый раз я как-то выходил... У меня есть друг, мы дружим с 13-ти лет. Чего только с нами не происходило, в какие только ситуации не попадали – но все время из них выскакивали. Конечно, я счастливчик! Но я не задумывался об этом, и жизнь прошла счастливо. А если бы задумался: боже мой, мне 50, а меня никто не знает! Сколько людей погибло от таких мыслей...

– «Мимоходом лишь подумаем о славе, но ни пальцем для нее не шевельнем».

– Правильно.

– По-видимому, вам незнакома зависть?

– Не знаю, не задумывался об этом. Хотя были моменты, связанные со спортом, когда я вдруг осознавал, что некоторые мои ровесники уже играют за мастеров. Но это была не зависть, нет. Удрученное состояние. А в литературе – нет, не завидовал. Я знал, что я это умею. А слава многих моих товарищей была весьма сомнительна...

– А вот эти слова, вами переведенные: «Пусть побледнеют лица других поэтов»?

– Это Тициан Табидзе. Сумасшедшая дерзость! Я бы никогда так не написал. Это чисто

грузинское! Если посмотреть со стороны, как грузин объясняется с девушкой, – полное ощущение драмы. А потом выясняется, что он ее просто в кино приглашал, а она занята была. Когда переводишь грузинского поэта, температура должна быть выше на пять градусов по сравнению со всем остальным! Это должно выглядеть по-русски именно так. Потому что есть комнатная температура, а есть температура кипения. Грузины кипят.

– Поговорим о воспитании. Как вас воспитывали? Как воспитываете вы?

– Я плохой воспитатель. И вижу это по своим детям. У меня было несколько воспитателей. Мама – она воспитывала

Бурка – подарок к юбилею

собственным примером. Двор. Полублатной московский двор, абсолютно хулиганский, где только два человека не имели приводов в милицию. Один из них был я. Хотя драться приходилось часто, но это обычное дело. Двор дал закалку. Это хорошая школа, и большая мамина заслуга, что она не вынула меня из двора.

– Вы жалеете о чем-нибудь?

– Если и жалею, то о том, что не занялся режиссурой. Совокупность музыки, пластики, слова – это просто замечательно. А еще я совершенно больной человек в отношении красок. Вот смотрю на этот сумасшедший газон – разные оттенки зеленого... Конечно, я был бы счастлив, если бы овладел этим. Если бы мог передавать это... А музыка? Говорят, у меня хороший слух. Мама мечтала, чтобы я играл на рояле. Потом гитару мне купила. И все мимо... Я окончил педагогический институт имени Ленина – самый поющий институт. Все пели! Но я никогда подобным не занимался. Видел, что это – самодеятельность. Юлька Ким – другое дело. Он настоящий мастер. Булат Окуджава – да! Его стихи, без всякой музыки, – это стихи. А вот Визбор... Хороший парень, замечательная личность, уникальная, но... Стихи – не главная его сила. Я всегда пел вместе с друзьями в компаниях, но не запел сам. Начисто не перевариваю никакой самодеятельности. В этом смысле я жестокий профессионал. Если

строка хромает, как можно идти дальше? Я, например, не могу сочинить вторую строку, если у меня первая не пластична.

– **Есть теория, что поэт – это приемник, ему диктуют, осталось только записать. Большинство поэтов так говорит.**

– Нуууу... Большинство... Большинство поэтов из Союза писателей – они кто? Кто в Союзе писателей является писателем?

– **Так считают и те поэты, которые приезжали к нам на фестиваль. Вы их знаете.**

– Фестивали – рассадник самодельности. Они замечательные ребята, я их всех люблю. Но когда кто-то из них приходит ко мне, я говорю с ними жестко – потому что тут нельзя обманывать. Тебе самому нравится? Давай, бог в помощь. Лучше стихи писать, чем водку пить. Ты получил удовольствие от своего стишка, ну и слава богу. Но не претендуй на то, чтобы еще сто тысяч человек любовались твоими виршами.

– **Значит, говорите прямо в лоб?**

– Прямо в лоб. А как иначе? Я могу выразиться мягче по интонации, но слова будут именно такими.

– **Вы сказали, что хотели быть режиссером. Если фантазировать – что бы вы хотели поставить?**

– Никогда не думал над этим.

– **В каком жанре хотя бы?**

– Знаете, я не люблю юмора.

– ?!

– Да. Не люблю профессионального юмора, эти концерты, на которых один за другим выходят сатирики, а потом считают – у меня 15 смехов, а у меня 18... Я читаю Гоголя или, например, Достоевского, а его юмор паразителен, и понимаю – это и есть жизнь. Но когда человек пишет специальное произведение для смеха, меня это раздражает. Хотя Ильф и Петров замечательны, и Булгаков, я их обожаю... Не случайно мы с Галей сделали в Польше спектакль «Мастер и

Маргарита». Но ведь их целью не было специально насмешить. Вот в чем дело. Поймите, это не значит, что я не ценю людей, которые профессионально занимаются юмором. Но очень мало кто из них меня цепляет. Они выходят на сцену, и я просто вижу, что этот, например, рассчитывает на 4 смеха. Это видно. Противно и смешно.

– **Значит, комедию вы бы не поставили... А что-нибудь патриотическое?**

– Я вообще не очень верю в некоторые кардинальные вещи. Не верю в заядлый патриотизм, который построен на том, что ты получаешь деньги неизвестно за что, а если тебе урежут зарплату, то твой патриотизм кончится. Как известно, патриотизм – последнее прибежище негодяя. Официальный патриотизм – один из бичей, которые существовали всегда. Конечно, мы все любим нашу землю. Я знаю ее и в столичном проявлении, и в провинциальном – на уровне какой-нибудь станицы. Здесь замечательная природа и замечательные люди – художники, творцы. Я считаю, что русские – очень талантливый народ. Ненормально талантливый! Если бы вы видели, сколько писем приходило в отдел поэзии журнала «Юность» – неграмотных, но талантливых! Помню, прислали тетрадочку. Открываю. «Пишет вам Тамара такая-то из города воров и проституток Тольятти. Я сама проститутка. Вот мои стихи». И дальше стихотворение «Утро»: «Гляжу я на челку/ и думаю – мразь,/ какому ты волку/ вчера отдалась?» Здорово! Я сдуру ей написал – никакая вы не проститутка, вы талантливый человек, приходите в редакцию... Но она не появилась. Может, решила, что ее отловить хотят? Таких самородков – масса! Актеры, поэты, художники, мастеровые... Обидно, что этот талантливый народ никак не может получить возможность выражать себя так, как он того заслуживает.

– **Мы беседуем с вами десять лет спустя. Что сделано за эти годы? Что осталось несущественным?**

– Если что и не осуществлено,

так по причине моей собственной неподвижности. Я очень мало подвижный человек. Либретто оперы «Преступление и наказание», которая сейчас идет в России с большим успехом, было написано и отдано композитору в 1979 году. А опера вышла совсем недавно. Вышло пять томов собрания сочинений. В четвертом томе – пьесы, которые я никому не показывал и никуда не пробивал. Я слишком инертен.

– **Вы, как Атос, ждете, когда экипировка придет к вам сама.**

– Да, совершенно верно. А не придет – и не надо. Понимаете, я испытываю интерес, когда работаю над вещью. Закончив, хочу ее показать. Но это желание длится два-три дня. А дальше я занимаюсь следующей вещью, и заниматься предыдущей, пробивать ее, мне не хочется.

– **Я все еще не задала вам самый главный вопрос: а в чем все-таки смысл жизни?**

– Только в самой жизни. В этом самом нашем существовании. Все очень просто.

Брюссельский университет

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

В этой семье представители трех поколений стали подлинными героями своего времени. Один даже признан святым, а его дети с успехом отметились в издательском деле и на сцене, в переводах и публицистике. Внучки же поразили весь научный мир Европы. Речь идет о роде Кипиани, ставшем знаковым для Грузии.

В 1814 году в дворянской семье Ивана Кипиани и Варвары Пурцеладзе, переехавших из Абаши в село Мерети Горийского уезда, появляется на свет младший сын Дмитрий. Отец недолго радуется этому – его уносит болезнь. Мать старается дать мальчику домашнее образование, а когда ему исполняется 8 лет, старший брат Каихосро увозит его в Тифлис. Связи у брата есть – он служит на таможе в Сурами, поэтому Дмитрий без проблем поступает в Духовную семинарию.

Но через пару лет, несмотря

на свою набожность, парень решает получить более полное образование. И начинает учиться в Тифлисском благородном училище – единственной тогда светской школе в Грузии. Против этого отнюдь не протестуют фактически усыновившие его дальняя родственница отца Мариам Кипиани и ее муж, прапорщик Никифор Федоров. Так что в 1830-м юноша оканчивает училище, которое в том же году преобразуется в Первую Тифлисскую мужскую гимназию.

О том, как учили в ней, можно судить хотя бы по такому факту: 16-летний выпускник с полным основанием принимается в родную гимназию на должность учителя и преподает сразу четыре предмета: грузинский и русский языки, географию и математику. Так он оказывается среди светской молодежи, которая вовлечена в политику. В Тифлисе зреет заговор видных представителей аристократии, цель которого – восстановление

грузинской государственности и возвращение на престол династии Багратиони.

При поддержке некоторых сосланных на Кавказ декабристов готовится восстание, в него хотят вовлечь и крестьян, и тифлиских ремесленников. Дмитрий стал бывать в доме вдовствующей княгини Текле Орбелиани – основном месте встреч заговорщиков. Но за десять дней до 20 ноября 1832 года, когда планировалось начать восстание с ареста на балу высших военных и гражданских чинов, заговор был раскрыт.

Начинает работу «Секретная следственная Комиссия по злоумышленному заговору противу Правительства, обнаруженному между некоторыми грузинскими уроженцами». Руководит ею высшее должностное лицо Южного Кавказа – командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской об-

Дмитрий Кипиани в молодости

ласти, Астраханской губернии и Кавказской области барон Григорий Розен.

Герой войн с Наполеоном, бравший Париж, он прибыл в Грузию, поучаствовав в подавлении Польского восстания 1830-1831 годов. Всего 7 лет прошло после восстания декабристов, так что мало кто сомневался: следственная комиссия в Тифлисе сделает самые суровые выводы. И действительно, к смертной казни приговариваются 10 человек из 32-х, оставшихся под арестом после снятия обвинений с большинства задержанных. Но Николай I показательно смягчает наказание, и все приговоренные отправляются в ссылку на разные сроки в дальние губернии России.

Среди них – Дмитрий Кипиани, Александр Чавчавадзе, Элизбар Эристави, Александр и Вахтанг Орбелиани, Георгий Эристави, Соломон Додашвили, Соломон Размадзе, Иасе Палавандишвили... Все они в ссылке работали на государственных должностях, через 4-5 лет получили разрешение вернуться на родину и в дальнейшем занимали высокие посты. Не вернулись лишь Додашвили, Размадзе и Палавандишвили, скончавшиеся вдали от Грузии.

Дмитрия Кипиани ссылают в Вологду, он начинает служить

там секретарем канцелярии губернатора, затем становится ее начальником. А губернатором там – неординарный человек, которого современники называли «добрым, умным и благороднейшим». Генерал-лейтенант Дмитрий Болговской участвовал в убийстве императора Павла I, доставлял Кутузову сообщение о том, что французы покинули Москву, дружил с Пушкиным. Его то увольняли, то возвышали, так что цену начальственного гнева он знал прекрасно. И по-особому относился к ссылаемым во вверенный ему край.

Известный писатель-краевед Федор Фортунатов свидетельствовал об этом чиновнике: «Он памятен за это время не одним только вологжанам, но и присланным на жительство в этот край; он был горячим ходатаем о прощении тех из удаленных в Вологодскую губернию административным порядком, в которых находил исправление в образе мыслей или поведении. Число лиц, получивших прощение по его ходатайству или переведенных в теплейший, более благоприятственный климат, очень велико...». В 1837 году Болговской ходатайствовал о возвращении на родину и Кипиани.

Вернувшийся из ссылки Дмитрий Иванович – не исклю-

чение среди других высланных участников заговора: он отличался на государственной службе. Сначала работает чиновником по особым поручениям в «Исполнительной эксплуатации Верховного грузинского Правления при Грузинском гражданском губернаторе». Через четыре года, в 1841-м получает в Кутаиси должность секретаря управляющего Имерети генерал-майора Акима Эспехо. Этот обрусевший испанец по специальности – военный инженер, так что его секретарю приходится разбираться не только в проблемах большого края, но и в фортификации, мостах, полевых укреплениях...

И делает он это настолько успешно, что после упразднения должности управляющего Имерети, его принимают в канцелярию самого главноуправляющего Грузией и командира Отдельного Кавказского корпуса. С 1841 года он работает там при сменявших друг друга Григории Розене, Евгении Головине и Александре Нейдгардте. А с 1844-го, начиная с графа Михаила Воронцова, 20 лет – уже при заместниках Кавказа Николае Реаде, Николае Муравьеве-Карском, Александре Барятинском и великом князе Михаиле Романове.

До 1864 года Дмитрий Ива-

Д. Кипиани

нович побывал в канцелярии высшего должностного лица Южного Кавказа секретарем и начальником, возглавлял различные отделы, был членом Совета главного управления Закавказского края. В период русско-турецкой войны 1853-1856 годов руководил военной канцелярией армии. В 1862-м наместник Кавказа и Дворянское собрание Тифлиса поручают ему разработку проекта крестьянской реформы в Закавказье. И Кипиани предлагает, чтобы крестьяне имели возможность арендовать землю у помещиков.

Уже не по долгу службы, а по зову сердца в 1840-1850-х годах он разрабатывает «Программу национального спасения», цель которой – широкая культурно-просветительская деятельность, усиление и со-

хранение общенационального самосознания и самобытности народа. Активно поддерживая патриотическо-демократическое общественное течение «Тергдалеулеби» («Испившие воды Терека»), он считает родной язык основой национальной культуры, самобытности и борется за его сохранение и развитие.

В 1881 году попечитель Кавказского учебного округа Кирилл Яновский издает циркуляр, запрещающий грузинский язык во всех учебных заведениях, в том числе и на подготовительных отделениях. Естественно, Кипиани не может остаться в стороне, он не только требует отменить запрет, но и издает «Новую грамматику грузинского языка», публикует несколько статей по вопросам преподавания языка в школе. Он требует

от прессы укреплять национальное самосознание, популяризируя национальную культуру и историю, идеологию и нормы литературного языка. И сам пишет подобные материалы.

Неслучайно идейный предводитель национально-освободительного движения Грузии, поэт, мыслитель-просветитель Акакий Церетели сказал о нем: «Нет у нас ни одного грузинского учреждения, где бы Кипиани не был основателем: банк, общество распространения грамотности, театр или другие – все созданы по его инициативе».

Судите сами. Президент Кавказского общества сельского хозяйства, созданного в 1850 году по инициативе Воронцова, член правящего комитета Кавказского отделения Императорского Русского географического общества, попечитель своей родной гимназии, создатель первой общедоступной частной библиотеки, переданной затем в фонд первой на Кавказе публичной библиотеки. А еще – участие в возрождении грузинского драматического театра и грузинской реалистической литературы, в создании грузинского Дворянского банка и Общества по распространению грамотности среди грузин, в котором он стал первым председателем правления.

Вообще, прилагательное «первый» можно не раз поставить рядом с именем Кипиани. Первый грузинский дворянин, получивший чин действительного статского советника, приравненный к генерал-майору.

Иосиф Лагишвили

Первый предводитель дворянства Тифлисской и Кутаисской губерний. Первый переводчик Шекспира на грузинский. Первый грузин, ставший городским головой Тифлиса... Кстати, при нем проведена однодневная перепись населения и завершено перераспределение штатов в системе городского управления.

Несмотря на то, что он считал Георгиевский трактат единственно возможной формой сосуществования Грузии и России, Дмитрий Иванович не мог принять ущемления грузинской культуры, самобытности. И когда в 1885 году великий князь Михаил Николаевич приезжает в Боржоми, Кипиани высказывает ему все, что накопилось у грузинской интеллигенции против князя Александра Дондукова-Корсакова. Этот главноначальствующий на Кавказе проводил открыто антигрузинскую политику. И один из лидеров грузинского дворянства надеялся, что бывший наместник Кавказский, брат царя поможет принять хоть какие-то меры. Увы, не получилось...

А в следующем году в Тифлисе разворачиваются трагические события – ректора Духовной семинарии протоиерея Павла Чудецкого убивает бывший семинарист Иосиф Лагиашвили. Во время негласного обыска спальни, у юноши нашли дневник с критикой жестких порядков, установленных ректором. Лагиашвили признали «опасным учеником», лишили государственной субсидии, жилья в общежитии семинарии, а через несколько месяцев вообще исключили из семинарии. При этом отказались вернуть свидетельство об окончании Горийского духовного училища и исправить «четверку» по поведению – фактически «волчий билет».

Доведенный до отчаяния экс-семинарист бросается на ректора с ножом. Он был приговорен к 20 годам каторги на Сахалине, сумел сбежать и на лодке добраться до иностранного судна, шедшего в Америку. Там он изменил имя и фамилию, став Томом Коксом. Работал на ферме, изучал английский в университете, получив граждан-

Икона Св. Дмитрия Великомученика

ство, жил в Сан-Франциско. И о его побеге писал сам Чехов – в своей книге «Остров Сахалин».

А во время похорон Чудецкого экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский, член Святого Синода Русской Православной Церкви Павел Лебедев проклинает не только убийцу, но и страну, которая порождает таких «разбойников». И Кипиани, выражая мнение грузинской общечественности, пишет экзарху:

«Ваше преосвященство, явите милость и простите мне великое прегрешение мое, если я, увлеченный страшными слухами, грешу перед Вами. Но говорят, что вы прокляли страну,

куда вы призваны пастором и которая поэтому вправе ждать от Вас лишь любви и милости... Если все это правда, Ваше достоинство может спасти лишь изгнание оскорбителя из оскорбленной им страны».

Главноначальствующий Дондуков-Корсаков немедленно сообщает об этом обер-прокурору Святейшего Синода Константину Победоносцеву и просит ходатайствовать перед императором об удалении Кипиани с должности предводителя дворянства Кутаисской губернии и высылке из Грузии. А обер-прокурор считается «серым кардиналом» правительства Александра III. И по Высочайшему указу

Дом-музей Кипиани в Квишхети

от 4 августа 1886 года Кипиани высылается в Ставрополь.

Летом 1887-го уже его жена встречается в Боржоми с великим князем Михаилом Николаевичем, и тот обещает помочь Кипиани получить аудиенцию у императора. Но времени на это не остается: в октябре того же года 73-летнего грузинского дворянина при невыясненных обстоятельствах убивают в Ставрополе. По официальной версии, в его квартиру ночью проникли грабители. Но значительная часть грузинской общественности убеждена: власти сами устранили «неудобного» для них человека.

В Тифлисе Кипиани перезахоронили с большим почетом, при огромном стечении народа. В надгробной речи Акакий Церетели назвал Дмитрия Ивановича мучеником. А через 120 лет Грузинская Православная Церковь причисляет Кипиани к лику святых как мученика, пострадавшего за отечество. Что же касается его жены, так и не сумевшей организовать встречу мужа с императором, то вспомним слова писателя и журналиста Якоба Мансвешавили: «Нино безумно любила своего мужа. Эта любовь граничила с идолопоклонством. Я познакомился с ней, когда она уже

была пожилой. Еще не прошло много времени, как ее любимый и боготворимый Дмитрий трагически погиб. Она поминутно восклицала: «Убили моего божественного Дмитрия!».

Нина была рядом с Дмитрием с 1845 года. Ее отец писатель, переводчик, общественный деятель Егор Чилашвили (Чилияев) перевел на русский язык сочинения французских философов Монтескье и Мабли, был в комиссии по переводу с грузинского «Вахтангов сборник законов» и разработал закон, позволяющий грузинским крестьянам выкупаться из крепостной зависимости, если помещицье хозяйство продавалось за долги. Но запомнился он не столько этим, сколько тем, что из-за него Грибоедов сам себя поставил рядом с теми, кого критиковал в «Горе от ума».

Чилашвили столь активно выступал против чиновничьего произвола, что не мог не попасть под гонения. Прекрасно знавший его Грибоедов в 1828 году пишет из Тавриза мужу своей двоюродной сестры главному управляющему Грузией, командующему Отдельным кавказским корпусом, фельдмаршалу, графу Ивану Паскевичу-Эриванскому:

«Примите в ваше покрови-

тельство надворного советника Ч-ва, который некогда был прокурором в Тифлисе... Он меня об этом не просит, но еще в бытность мою в Тифлисе он очень желал быть лично известным вашему сиятельству. Все его знают за самого благонамеренного и расторопного человека, сведущего в законах, и, наконец,..

Николай Кипиани

Елена Кипиани

с европейским образованием и нравственностью. Притом простите слабости человеческой. Нина тоже обращается к вам с просьбой о нем и, не смея прямо это сделать, стоит возле меня и заставляет меня всеусердно о том при вас стараться. Мне самому смешно, когда вспоминаю свой собственный стих из Г.о.у.: «Как станешь представлять к крестикшу да к местечку, / Ну как не порадеть родному человечку».

Ходатайство подействовало, а дочь Чилашвили стала женой Дмитрия Кипиани, который был старше ее на 13 лет. По тогдашним понятиям, вполне нормальная для супругов разница в возрасте. Нино вместе с сестрой воспитывалась в Петербурге у Мариам Дадиани, последней царицы Имерети. Блестяще владея французским, она не очень хорошо говорила на грузинском, и Дмитрий учил ее родному языку.

Из шести детей у них остались трое, остальные умерли в младенчестве. В 1846-м рождается первенец Николай. Его отец пользуется тем, что работает в канцелярии Михаила Воронцова и по мере возможности приобщает сына к аристократическим кругам.

Поэтому Нико прекрасно

танцевал, музицировал, свободно говорил на французском, русском, английском и итальянском. А родственники помогают сформироваться его национальному самосознанию. Он запоем читает книги о тех, кто боролся за свободу своих стран, особенно – литературу об итальянском национальном герое Джузеппе Гарибальди, которой его снабжает двоюродный брат, Давид Кипиани.

Этот кузен содержит учебный пансион, в который шестнадцатилетний Нико поступает в 1862-м вместе с тринадцатилетним братом Котэ. Через два года он отправляется в Петербургский университет, но оказывается, что пансион не дает ценз для поступления туда, нужен аттестат из гимназии. Одновременная подготовка к экзаменам – на «аттестат зрелости» и вступительным на юридический факультет – завершается успешно.

В 1865 году Кипиани становится студентом, но пятый курс не заканчивает. Петербургский университет всегда славился антиправительственными настроениями, не избегает их и молодой грузин. За такое дело можно серьезно поплатиться, но Нико «всего лишь» исключили из университета без права на продолжение учебы и в административном порядке вернули на родину.

В 1869-1871 годах он бесплатно обучает грамоте крестьян в Квишхети, а отец все убеждает и убеждает его отказаться от политической деятельности. В конце концов, Николай внимает этим просьбам и начинает частную адвокатскую практику. Затем работает в судебном ведомстве, занимается публицистикой, женится, у него рождаются мальчик и три девочки. Но семейная идиллия рушится, он разводится через 8 лет после свадьбы. А когда убивают отца, наступает самая настоящая депрессия.

К этому добавляется физическое недомогание, и в 1890 году Нико отправляется на лечение в Европу. Так и не реализовав на родине все свои возможности. Пять лет живет во Франции, Италии и Швейцарии, а потом приезжает в Бельгию. И там «разворачивается» так, что ста-

новится научной знаменитостью Европы.

Под псевдонимом Иван Мартинов он публикует работы по филологии и истории, издает монументальные труды о грузинских царицах Тамар и Кетеван, ценится европейскими учеными как полиглот. И до самой своей смерти в 1895-м этот ученый, публицист, издатель, общественный деятель остается профессором – заведующим кафедрой русской словесности Брюссельского университета. Портрет Николая Кипиани долго украшал конференц-зал этого университета.

Его младший брат Константин, учившийся в одном с ним пансионе, тоже отправляется в Петербург, но учится там в Академии художеств. Затем в 1873 году, оканчивает в Москве сельскохозяйственную академию. Но главной в жизни 24-летнего Котэ оказывается сцена. Он играет в любительских спектаклях, становится одним из тех, кто возродил постоянный профессиональный грузинский национальный театр.

Первый постоянно действующий грузинский театр, основан-

Нино Кипиани

Барбара Кипиани

ный Георгием Эристави в 1850 году просуществовал всего 6 лет и был закрыт властями. С 1879-го он снова стал собирать зрителей, и большая заслуга в этом Котэ Кипиани как основателя грузинской реалистической актерской школы, блестяще игравшего в любом амплуа. Вполне естественно, что он сам писал пьесы и был теоретиком театра, но этого мало. Доказав, что недаром учился в сельскохозяйственной академии, он выпускает «Русско-грузинский словарь по астрономии, зоологии, минералогии и разных терминов, и технических слов».

Не отстают от братьев в общественной активности и младшая сестра Елена – писательница, переводчица, актриса и издатель. «Вряд ли найдется кто-нибудь, кто наряду с именем Дмитрия Кипиани не слышал имени его любимой дочери Елены. Они совместно работали над возрождением нашего театра, над обогащением нашей бедной литературы, над распространением наших книг и грамотности... До того, как выйти замуж, Елена Кипиани бесплатно учила молодых деревенских женщин читать и писать в деревне Квишхети. Сегодня почти в каждой деревне Саабашио можно найти женщин, которых

учила грамоте покойная Елена Кипиани», – писала газета «Иверия» в ноябрьских номерах 1890-го года, когда умерла Елена Дмитриевна.

Ее мужем был Антон Лордкипанидзе, основатель Кутаисской публичной библиотеки. И она до самой своей смерти возглавляла комитет бедных учащихся Кутаисской дворянской школы. «Сбор денег на благотворительность, проведение спектаклей для бедных учеников были ее почти ежедневной деятельностью», – отмечала в 1894 году газета «Квали». Именно в этом городе Елена основала альманах «Грузинская библиотека», где вместе с ней печатались активистки борьбы за права женщин, писательницы Екатерина Габашвили и Екатерина Меликишвили.

Вообще, за свою непродолжительную жизнь Елена Дмитриевна успела немало. Помимо уже перечисленного создала кружок писательниц, выступивших по ее инициативе сборник «Перевод приятных литературных произведений». Она была среди основателей и постоянным членом Тбилисской театральной труппы. Она собирала грузинский музыкальный фольклор и церковные песнопения, старалась записать хо-

ралы для фортепиано... Нет сомнения, что она еще сделала бы немало, но, увы, Елена Кипиани прожила всего 45 лет.

И, наконец, о внучках будущего святого, дочерях его сына Николая, прославившегося в Бельгии. Старшая Нино с дипломом Брюссельского университета стала одной из первых женщин-юристов Российской империи. Родившись в 1877 году, она росла в доме своего знаменитого дедушки, училась в Тифлисском учебном заведении Святой Нины на средства Кутаисского дворянского банка.

Во время учебы в Бельгии она всерьез уходит в политику, противостоит российскому самодержавию, сближается с федералистами, затем – с национал-демократами. В 1905-м участвует в апрельской Женевской интерпартийной конференции, на которой революционные партии России обсуждали подготовку вооруженного восстания. Там под псевдонимом «Тезрели» она представляет доклад, обосновывающий необходимость полной государственной независимости Грузии.

Она пишет примечательные письма грузинским социалистам-федералистам. Георгию Деканосидзе: «Не будем терять надежду, что за короткое время сможем вернуться в свободную страну». Арчилу Джорджадзе: «Неужели наше желание дальше автономии не идет? Почему у нас нет воли потребовать от России полную независимость? Почему у нас нет воли, чтобы наша Грузия, которая древнее других государств и у которой имеется величайшая история, была бы свободной... Конечно, было бы глупостью заботиться о восстановлении трона для наших царей, но почему бы не попытаться, чтобы присвоили нам полную свободу? Если Болгария, Румыния, Сербия и другие живут своей исторической жизнью, почему мы не живем так же? Разве у нас нет способности?»

На родине она столь активно участвует в освободительном движении, что несколько раз попадает в Метехскую тюрьму, а в 1907-м вообще высылается за границу. Работая референтом бельгийского посольства

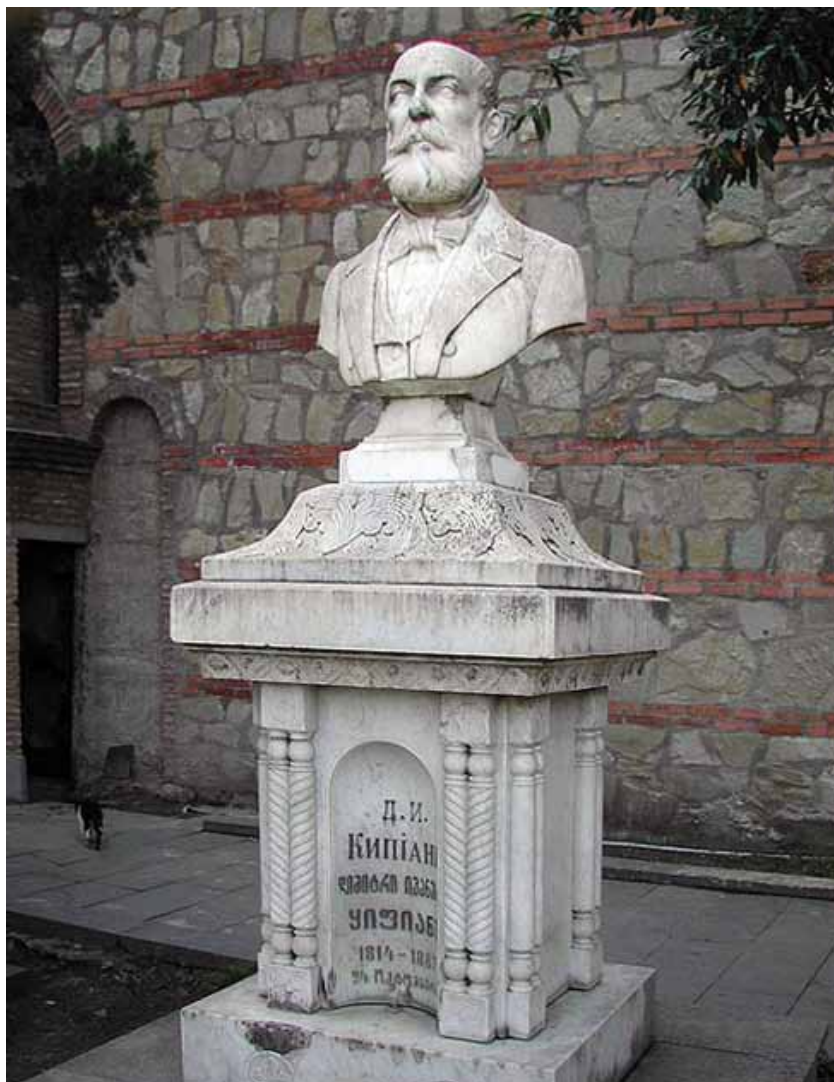
в Риме, помогает вернуться на родину военнопленным грузинам, оказавшимся в Италии после Первой мировой войны. Планирует составить итальянско-грузинский и грузино-итальянский словари, но заболевает туберкулезом и в 1920 году возвращается в Грузию. Последние дни своей 43-летней жизни проводит в Квишхети, в доме бабушки Дмитрия.

Ее сестра Барбара, которая была младше на 2 года, тоже училась в заведении Святой Нины, тоже приехала в Брюссель. Но став в 1902-м студенткой, посвятила себя не политике, а медицине. Она стала первым грузинским психофизиологом, работающим в Европе, была избрана членом Французской медицинской академии, получила золотые медали за работы по физиологии и патологии детей.

А впервые научный мир Европы увидел Барбару в 1905 году, когда она была третьекурсницей. Во время доклада на форуме физиологов в Париже молодая врач восхитила аудиторию и красотой, и содержанием изложенного. Выдающийся петербургский физиолог Иван Тарханов ((Тархнишвили, Тархан-Моурави) не в силах сдержать восторга: «Боже мой, неужели я дожил до того дня, когда на конгрессе ученых услышал и голос грузинской женщины». Один из бывших на этом форуме свидетельствовал: «Участники конгресса долгими аплодисментами наградили нашу соотечественницу, и когда обвел взором собрание, увидел, что больше всех аплодировал профессор Тарханов (Тархнишвили)».

Но и талантливым студентам надо платить за обучение, а у Барбары – материальные затруднения. И на помощь ей приходит женщина-профессор по фамилии Ротейко – она принимает девушку на работу в свою лабораторию, и у той появляются деньги, чтобы оплатить учебу. Через очень короткое время Кипиани уже читала лекции в университетах Парижа, Брюсселя и Женевы.

А в Брюссельском университете, где она стала научным секретарем, Барбара много лет исследовала способы опре-

Могила Д. Кипиани в Пантеоне на Мтацминде

деления типов человеческой памяти, психологические основы воспитания, была научным секретарем университетского журнала «Обзор психологии». Помимо специальных психофизиологических дисциплин преподавала еще грузинский язык и русскую словесность.

Посвящает она себя и популяризации в Европе культуры и науки своей родины. По всему континенту собирает грузинские произведения искусства, в 1910 году основывает грузинскую секцию истории и этнографии в Международном музее Брюсселя. И обращается с письмом к грузинской диаспоре:

«Грузия впервые получила возможность показать Европе свои достижения в науке и технике. Пожалуйста, помогите, пожертвовав книги, картины и другие предметы. Мы надеемся, что наше общество поможет нам в восстановлении этого но-

вого института».

Именно она была опекуном имущества семьи принца Мюрата и его жены, мегрельской княжны Саломе Дадиани. Вернувшись на родину, преподавала французский язык в Грузинской дворянской гимназии, работала ассистентом выдающегося лингвиста Акакия Шанидзе. Но в 1921-м, с приходом большевиков, Барбара навсегда уехала в Брюссель и, занимаясь наукой, дожила там до 1965 года.

Ну, а мы под конец еще раз вспомним Дмитрия Кипиани, а точнее, о том, как сейчас сплошь и рядом пишут: «похоронили его в пантеоне на Мтацминде». Это грубейшая ошибка. Пантеон существует лишь с 1929 года. Могила Кипиани – одна из старейших на территории современного Пантеона. Захоронили Д. Кипиани в 1887 году.

КУШАТЬ ПОДАНО!

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Виа дель Аббонданца одна из оживленных улиц Помпей, люди весь день работают в поте лица, чтобы добыть хлеб насущный, а перекусить заходят в термополий (заведение наподобие трактира в Древнем Риме) Ветуция Плацидуса. Он знает свое дело и у него всегда много посетителей. Прилавок покрыт цветным мрамором, в стол встроены большие глиняные сосуды, в которых держат горячие блюда – супы из злаков или бобовых, и свежие продукты, а также вино, приправленное специями. Помимо этого, посетители могут поесть фокаччи (итальянская пшеничная лепешка), оливки, яйца, сыры и фрукты. Владелец термополия пересчитывает деньги: дневная выручка составила 670 сестерциев (сестерций – древнеримская монета). На дворе август 79 года н.э., довольный жизнью Ветуций строит планы и не предполагает, что через несколько минут земля содрогнется у него под ногами,

а родной город покроет раскаленный пепел Везувия...

«После раскопок Помпей археологи обнаружили 75 термополий и множество пекарен, где жители города покупали хлеб. Любопытно, что в Помпеях ученые также нашли некий прообраз современного фаст-фуда: на улицах продавалась ячменная вода и поджаренный ячмень. Ячменная вода сегодня очень актуальна как диетический продукт, равно как и употребление в пищу побегов пшеницы. Наши предки в Древнем Риме великолепно пользовались этими продуктами», – с улыбкой отметил президент Гастрономической ассоциации Грузии, исследователь гастрономической культуры Далила Цатава, рассказывая об истории развития ресторанного бизнеса в рамках проекта «Гастрономический гид» компании «Боржоми».

По ее словам, ресторанная культура существует с древней-

ших времен, еще представители китайской императорской династии Тан (правившей страной в 618-907 гг.) основали первый в мире ресторан, и его концепция осталась без изменений до наших дней: полузатемненный зал, приятная атмосфера, музыка в полгромкости. Китайская гастрономическая культура рассматривает процесс питания как ритуальный, и отношение к нему философское, поэтому нельзя чтобы в ресторане во время трапезы был шум, и грохот музыки мешал гостям получать удовольствие от еды.

Бульон от Буланже

Термин «ресторан» берет начало во Франции, где задолго до Великой французской революции существовали Гильдии поваров, хлебопекарей, кондитеров, мясников и других представителей пищевой индустрии. Эти профессиональные объединения контролировали все,

что подавалось к столу в парижских тавернах – от продуктов до самих блюд. Один известный повар по фамилии Буланже, владевший булочной, решил пойти против Гильдии и составить меню, по которому посетители сами могли выбирать, что хотели поесть, вдобавок к этому он изменил способ приготовления и культуру подачи бульона. Новшество, введенное предприимчивым поваром, пришлось по вкусу его клиентам, чего нельзя сказать о коллегах. Из-за того, что «бунтовщик» не подчинился общепринятым «правилам игры», его исключили из Гильдии. Однако Буланже оказался крепким орешком и подал иск против организации, заявив, что санкции в отношении него были нарушением его прав независимого повара. Он выиграл процесс, а заведение, где продавался вышеуказанный «многострадальный» бульон, стало называться местом, где можно «реставрировать», т.е. восстанавливать силы. Буланже говорил, что данное блюдо «способствует восполнению энергии», – так он рекламировал как само кушанье, так и свою столовую.

В Книгу рекордов Гиннеса вошел мадридский ресторан Casa Botin, основанный в 1725 году французом Жаном Ботином и его женой, он является старейшим рестораном в мире, который непрерывно функционирует со дня своего открытия. Casa Botin принадлежит семье Гонсалес уже на протяжении четырех поколений. Ресторан славится фирменными блюдами – жареным молочным поросенком, и куриным бульоном с

Гостиница и ресторан Ветцеля на Михайловской улице (ныне пр. Давида Агмашенебели)

добавлением хереса и чеснока. По словам Цатава, антураж помещения Casa Botin и рецепты приготовления блюд владельцы заведения сохранили без изменений. «Их жареный поросенок мне очень напоминает поросенка, который готовили у нас дома в моем детстве. Он жарится в печи на раскаленных углях, начиненный различными специями и травами», – рассказала Цатава.

Обедаем у Ветцеля

В Грузии рестораны стали появляться с начала XIX века, в это время уже существовали т.н. «кулбаки» – первые зародыши заведений типа столовых, своеобразные «рыночные духаны». В районе тифлисских караван-сараяв были открыты столовые, где можно было поесть различные горячие блюда и супы. Это все контролировалось главой города, он следил за качеством пищи, которую предлагали объекты питания приезжим путешественникам.

Развитию этого бизнеса способствовала деятельность немецких предпринимателей в Тифлисе. По словам исследователя архитектуры и истории, автора книги «Тбилиси. Старые гостиницы» Давида Хоштария, в 1897-1900 годах купец второй гильдии, владелец пивзавода Фридрих Ветцель построил на Михайловской улице (ныне проспект Д. Агмашенебели) гости-

ницу «Ветцель». Здание состояло из трех этажей с мансардой, и было богато оформлено архитектурными элементами в стиле барокко. Здесь находился один из лучших ресторанов в городе, как гласило рекламное объявление в газете «Кавказ», заведение предлагало гостям превосходные блюда французской кухни, отдельные кабинеты и зал. «Отличительной особенностью «Ветцеля» была необыкновенная сервировка серебром, а обслуживал клиентов сам герр Ветцель», – отметила Цатава.

Ресторан «Анона»

Другой ресторан высокого класса – «Анона» был расположен на Головинском проспекте, в нынешнем здании театра Руставели. Его построил известный предприниматель, меценат Исая Питоев, который был женат на актрисе Ольге Маркс, и театр занимал значительное место в жизни бизнесмена. Он построил многофункциональное здание наподобие клуба (тогда оно именовалось Артистическим обществом), где «за чашкой чая» собирались театралы, представители творческой элиты. При отделке внутренних помещений огромное внимание уделялось мельчайшим деталям интерьера, все аксессуары были выписаны из Европы, даже рабочих пригласили из Италии и Греции. Строительство обошлось меценату в полтора миллиона рублей золотом. Здание, открывшееся в 1901 году, сразу же стало одним из культурных центров столицы, а «Ханума» – первый спектакль,

который был здесь поставлен. Ресторан «Анона» состоял из различных отделений: сладостей и чая, азиатской и европейской кухонь, он даже был оснащен морозильником, что в **Лангусты**

те времена было редкостью. В «Аноне» также были карточные залы, из которых ревнивые мужья могли незаметно следить за своими женами, вкушающими изысканные пирожные в чайном отделении ресторана...

С течением времени ресторан из места, где можно утолить голод, трансформировался отчасти в сцену для демонстрации социального статуса. Сегодня в рестораны высокого уровня идут с целью обмена информацией, дамы стремятся блеснуть дорогими платьями и украшениями, а кавалеры с гордостью «сообщают» о своих новых часах и эксклюзивных сигарах класса «люкс». Изменения коснулись не только антуража, но и меню ресторанов: если раньше мидии, устрицы, креветки и омары считались пищей бедняков, то сейчас эти блюда уже стали деликатесами, которые могут позволить себе только состоятельные люди.

Меню дело – серьезное

Всего несколько десятилетий назад, во время существования Советского Союза, изучение гастрономической культуры и кулинарных традиций разных стран не считалось престижной сферой деятельности, хотя во всем мире исследователи данного направления изучали не только традиции трапезы и конкретные рецепты, но и антропологию, социокультурные

Театр Резо Габриадзе и кафе «Не горюй»

отношения, географию. К сожалению, много исследований, проведенных в этой области, было потеряно, чему, по мне-

Жареная рыба

нию Далилы Цатава, способствовала советская система питания.

Меню ресторана – дело серьезное, о чем свидетельствует тот факт, что над его созданием работают психологи, маркетологи, микробиологи, даже существует такая специальность – меню инжиниринг, призванная возбудить у человека интерес к ознакомлению истории возник-

новения блюда. По мнению Далилы Цатава, проблемой многих отечественных ресторанов высокого класса является скудное меню, будто в нашей истории не существовало уникальных блюд, которые ныне преданы забвению. В этом повинны строгие стандарты, принятые в советский период. В СССР существовала организация под названием «Общепит», которая «сверху» диктовала состав обязательного меню для всех ресторанов. В список непременно должны были входить: борщ, котлеты, салат «оливье», уже далее следовали чахохбили и сациви, да и кисель с компотом. Даже граммажи блюд были строго расписаны. «Видимо, грузинская кухня все еще испытывает влияние отголосков той стагнации. Хотя на сегодняшний день уже видны положительные тенденции того, что грузинское меню постепенно меняется и пополняется новыми компонентами», – отметила Цатава. По ее словам, здесь основную роль играет культура потребителя, сам он должен «дорости» до определенного уровня, чтобы

без опаски пробовать новые, инновационные продукты, и платить больше за качественный продукт. Кроме того, СМИ должны проводить правильную линию информирования аудитории, что наша кухня – кладезь уникальных блюд, рецепты которых необходимо возродить.

Президент Гастрономической ассоциации Грузии отметила, что большой вклад в развитие отечественной ресторанной культуры внес выдающийся сценарист, писатель, художник и режиссер Резо Габриадзе, открывший великолепное кафе при своем театре, расположенном в самом сердце Старого города. «Он изменил отношение к грузинскому меню, сделал его более интересным и разнообразным. Подход Габриадзе к искусству кулинарии выделяется тем, что он рассматривал процесс приготовления блюд с точки зрения творческого человека. Резо дал хороший импульс нашим рестораторам для дальнейшего совершенствования бизнеса», – подчеркнула Далила Цатава.

Сандро Эристави

ВОСПОМИНАНИЯ САНЫЧА

■ Александр ЭРИСТАВИ

МОЙ ДРУГ САНДРО ЭРИСТАВИ

Цирк. С детства он для меня был некой страной, в которой живут и творят чудеса волшебники и чародеи. Над моей кроватью несколько лет висел перекидной календарь с фотографией Вальтера Запашного со львом на плечах.

Шли годы. Я ушел в кино. И когда мне нужно было отснять курсовой фильм, я решил снять документальную короткометражку о цирке, точнее, о закулисной жизни цирка. На киностудии я встретился с Борисом Михайловичем Ципурия, тогдашним директором Тбилисского цирка, и попросил его о разрешении на съемки. Он дал согласие и посоветовал обяза-

тельно встретиться с главным режиссером цирка Сандро Эристави. В тот же день я побежал в цирк и встретился с Санычем (так Сандро Эристави просил себя называть).

Я рассказал Санычу идею фильма, он пообещал полное содействие, а потом спросил:

– Послушай, а Акоп Узунян случайно не твой родственник?

– Это мой отец.

– Да? Теперь понятно, почему тебя интересует цирк. Ты опилочник?

– Ну, не знаю... Отец всю жизнь работал на мебельной фабрике. Наверное да, я опилочник.

– На какой мебельной фабрике? – удивился Саныч. – Ты же сказал, что твой отец Акоп Узунян, знаменитый клоун?

– Да, мой отец Акоп Узунян, но он не знаменитый клоун, а

инженер-мебельщик. А почему опилочник?

– Цирковых детей называют опилочниками, считается, что они родились в манежных опилках. Кстати, отличная тема для фильма – дети цирка, опилочки... Подумай, – сказал Саныч и оставил меня одного в кулисах Тбилисского цирка.

А ведь действительно, Сандро прав, отличная тема для фильма! И я, кардинально изменив акцент моей курсовой работы, снял фильм о цирковых детях, которые исполняли на арене уникальные трюки, а в кулисах были просто детьми.

Фильм был снят и получил хорошую оценку. А цирк для меня так и остался страной, в которой живут и творят чудеса волшебники и чародеи.

Вот так я познакомился с Санычем и, несмотря на разницу в возрасте, он стал настоящим моим другом.

О Сандро Эристави я мог бы рассказать много разных историй, но лучше пусть он сам расскажет о себе и событиях своей жизни.

Левон Узунян

ИНТЕРВЬЮ

Однажды меня попросили ответить на два вопроса для журнала: «Как вы попали в цирк?» и «Чем вы сейчас занимаетесь?». Я ответил и – получилась автобиография.

Все началось с того, что будучи еще школьником, я прочел правила приема в Московское цирковое училище – для поступления на отделение клоунады желательно было владеть музыкальными инструментами и иметь спортивный разряд.

В результате я немедленно записался в самодеятельный духовой оркестр, и в 13 лет уже играл на всех духовых инструментах. Попробовал себя в боксе. Стал призером республики и кандидатом в мастера спорта. А в 1961 году поступил на первый курс отделения клоунады Московского циркового училища. Параллельно работал униформистом в московской труппе «Цирк на сцене» и нередко ассистировал клоуну. Окончил училище, отслужил в армии, поступил в Грузинский цирковой

коллектив джигитом-наездником. Почему не клоуном? Вакансии не было.

В 1969 г. поступил в ГИТИС на факультет «режиссура цирка, эстрады и массовых представлений». На вступительных экзаменах с перепугу написал сценарий эксцентрического номера «Клоун с лошастью и собакой», который очень понравился экзаменаторам. С 1971 г. в программах Советского цирка исполнял номера «Клоун с лошастью и собакой», «Соло-клоуна» (вот тут-то и использовал свои музыкальные навыки). В 1977 г. стал главным режиссером Тбилисского государственного цирка и педагогом циркового отделения Тбилисского эстрадно-циркового училища. В 1983 г. был удостоен звания Заслуженный артист Грузинской ССР. В 1989 г. создал «Театр Клоунады», который с успехом гастролировал в Грузии, России, Армении, Украине. После развала СССР приехал со своим театром на гастроли в Турцию. И остался. Получил гражданство. Гастролирую по Турции. Общаюсь в интернете со старыми и новыми друзьями. Помогаю молодым артистам в создании цирковых номеров. А еще пишу всякие истории из своей жизни, которые назвал «Воспоминания Саныча».

Я всегда шел по жизни не унывая, потому что понял: все проблемы решаемы, было бы здоровье. А здоровье – от оптимизма. Жизнь – движение, крутись с улыбкой, и будешь долго жить!

ОТЦОВО НАСТАВЛЕНИЕ

Недавно вспомнил эпизод из своей «веселой» жизни.

После окончания ГИТИСа, защитив диплом режиссера цирка, эстрады и массовых представлений, я отправился колесить по городам Союза нерушимого республик свободных, гастролируя со своим номером «Клоун с лошастью и собакой». Мой выход по программе был во втором отделении, вторым после антракта.

В этом эксцентрическом номере маленькая собачка отрывала хвост у лошади. Для трюка я предварительно, перед выходом, подвязывал лошади хвост-

шиньон.

В антракте стою и сворачиваю хвост лошади, чтобы подвязать к нему трюковой шиньон. В это время рядом оказался плотный зритель с малышом. Он, указывая на меня, говорит сынишке на армянском языке:

– Смотри, Гагик-джан, плохо будешь учиться, вот так будешь лошадям хвосты заворачивать..

Я расхохотался.

Папаша не ожидал, что кто-то из приезжих артистов его поймет. Он смущенно улыбнулся и спросил:

– Вы армянин?

– Грузин. Но я из Тбилиси, а у нас почти все понимают и грузинский, и русский, и армянский, и азербайджанский...

Он извинился, и они побежали в зрительный зал. А я продолжал смеяться, потому что когда-то мой отец, князь Александр Григорьевич Эристави, старый кавалерист, точно так же представлял меня в детстве.

ОРКЕСТР В ЦИРКЕ

Цирковое представление начинается со степенных билетерш, рассказывающих зрителей, хлопаясь откидных деревянных кресел, звучания отдельных музыкальных фраз духовых инструментов в оркестре (это оркестранты раздувают свои расчехленные инструменты) и спящей детворы с пирожными из циркового буфета.

Третий звонок, гаснет свет и к пюпитру дирижера выходит Маэстро. Взмах палочкой. Звучит бравурный марш Дунаевского из кинофильма «Цирк», и праздник начинается.

В Тбилисском цирке отмашку празднику давал бессменный дирижер Рудольф Коняев, а в составе циркового джаз-банды были музыканты из военного оркестра расформированного Нахимовского училища.

Каждый музыкант Рудольфа Коняева был личностью. Бывало, при постановке какого-то номера попрошу Рудольфа подобрать мелодию и напеваю тему, и он тут же командует оркестру и звучит именно та музыка, которую я хотел услышать.

У каждого циркового номера была расписанная на оркестр

партитура. Случалось, артист терял нотные листы, и тогда Рудольф, ориентируясь на исполнение циркового номера, сам подбирал подходящую музыку. Живая музыка не только сопровождала номер, но и помогала артисту подчеркнуть, акцентировать сложность трюковой части. Это очень важно, ведь цирк – это искусство экстрима.

Не знаю, кому пришло в голову упразднить оркестр. Сейчас цирковые номера исполняются под фонограмму, а привычное место оркестра пустует.

БУТУЗ

На пустыре, где еще недавно ютились ветхие деревянные домики, можно было увидеть бездомных собак, которых не взяли с собой в новые дома их прежние хозяева. Те, кто был посмелее, не отходили от дверей ближайших гастрономов и столовых, а остальные сами искали себе пропитание.

Здесь жила и брошенная кем-то маленькая собачка. Днем она бродила в поисках пищи, а ночью возвращалась к тому месту, где недавно был ее дом. Ночи становились холодными, но собачья преданность удерживала ее на прежнем месте.

Собакам, видимо, трудно понять натуру человека...

Весной, когда миновала холодная зима, на пустыре вырос

большой шатер цирка-шапито. И жизнь бездомных собак стала легче. Цирковые позаботились о них. Рыжего пса определили в охранники, маленькую Беби приютила кассирша, а преданную собачку взял на воспитание клоун, дав ей имя Бутуз.

Бутуз ожил. Его кормили всегда в определенное время, да не как-нибудь, а два раза в день давали по полной миске вкусного наваристого супа, кашу с мясом и даже молоко. А вскоре стали обучать всяким цирковым приемам. Клоун не мог радоваться на своего смышленного приемыша.

И вот настал день, когда они вдвоем вышли на манеж.

Зал был полон зрителей. Бутуз с непривычки растерялся, но добрый голос нового друга успокоил его, и дебют прошел гладко. С тех пор Бутуз постоянно выходил на арену вместе с клоуном, они проделывали разные смешные штучки. Зрители смеялись, аплодировали, и даже в газетах хвалили талантливого Бутуза.

Шли годы. Бутуз старел, но старался держаться. А годы сказывались. Он стал плохо видеть и почти ничего не слышал.

Как-то раз, после представления, клоун пожал ему лапу и поздравил с пятнадцатилетним

юбилеем работы в цирке.

Бутуз уже не мог выходить с клоуном на манеж и его перевели на пенсию. Бутуза все так же хорошо кормили, за ним по-прежнему ухаживали, но на манеж он выходил только ночью, когда цирк был пуст. Бутуз прогуливался по арене, приюхивался к знакомым запахам, слеповато наткнулся на барьер и, зарывшись в опилки, грустил.

А однажды утром артисты увидели на глазах старого клоуна слезы. По цирку все ходили притихшие, говорили вполголоса.

Умер четвероногий артист Бутуз.

Вечером клоун обернул тело Бутуза черным лоскутом и понес за город. Над суетим холмиком стоял с опущенной головой старый клоун.

Он достал свой пистолет-хлопушку и трижды выстрелил в воздух.

Это был траурный салют из клоунского пистолета.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Директор Красноярского государственного цирка беседовал по телефону, а я наблюдал за бельчоном, который носился по кабинету с орешком за щекой.

В дверях появился паренек, шофер цирка, я его видел сегодня во дворе, когда ему выговаривали за вчерашний прогул.

Паренек положил на директорский стол листок бумаги. Видимо, объяснительную записку.

Бельчонок прыгнул на стол, пробежал любопытным носиком по строчкам объяснительной, а потом с презрением посмотрел на прогульщика.

— Что? Не так? — растерянно спросил он.

Бельчонок скомкал лапками бумагу, отшвырнул, пересел на спинку кресла и снова впился в парня пристальным взглядом.

Прогульщик нерешительно забрал свою объяснительную записку и, поспешно запихнув ее в карман, выскользнул из кабинета.

А бельчонок перебрался на подоконник и разгрыз орешек.

ТРАГЕДИЯ В ХАРЬКОВСКОМ ЦИРКЕ

7 ноября 1970 года. Вечер-

нее представление в старом Харьковском цирке.

Вот уже несколько недель здесь гастролировал Румынский цирк.

В антракте униформисты и ассистенты установили клетку для аттракциона с хищниками румынской дрессировщицы.

После антракта зрители неторопливо заняли места. Зал переполнен. У всех праздничное настроение. Дирижер циркового оркестра дал последние наставления музыкантам. Взмах дирижерской палочки, и зазвучала увертюра к началу 2-го отделения. Инспектор манежа громко, чуть растягивая слова, объявил:

— Дрессировщица Лидия Жига!

На манеж стремительно вышла красивая молодая женщина в стилизованном костюме римских гладиаторов. Приветственно оглядев зал, поклонилась и громко хлопнула арапником. Из решетчатого туннеля на манеж не спеша, поочередно вышли тигры и львы. Дрессировщица, по-приятельски хлопывая своих питомцев, кого по лохматой шее, кого по крупу, а кого и дергая за хвост, поторпливала их быстрее занять свои места в клетке.

Тем временем я по служебной лестнице поднялся на пульт к главному электрику. Мы дружили, в этот праздничный день он пригласил меня к себе домой отметить праздник в домашнем кругу. Я поднялся к нему, чтобы уточнить, когда мы встретимся.

На манеже своим чередом шло представление.

Мы беседовали, поглядывая на манеж. Один из тигров заартачился. Сойдя со своей тумбы, он направился к соседке львице. Лидия Жига несколько раз прикрикнула на тигра, и, хлопнув арапником, вернула его на свое место. Такую недисциплинированность хищников этого аттракциона мы видели и раньше. И всегда «конфликт» завершался благополучно.

Но тут со своей тумбы сошел смиренный одноглазый лев, любилец дрессировщицы. Неторопливо приблизившись к ней, он миролюбиво, по-кошачьи, игриво дернул ее за ленту костюма. Лидия Жига резко дернулась,

как бы пытаюсь отпрянуть. Но это движение спровоцировало самого агрессивного тигра. «Охотник» прыгнул со своей тумбы, неторопливо, но уверенно подошел со спины к дрессировщице и, положив лапы ей на плечи, вонзил свои клыки в шею Лидии.

Зрительный зал замер, а когда обессиленное тело дрессировщицы в объятиях тигра опустилось на манеж, взорвался.

И тут началось!

Ассистенты стали стрелять из пистолетов холостыми патронами. С центрального прохода помощники дрессировщицы из пожарного рукава направили упругую струю воды в морду тигра. В клетке поднялся хаос. Перепуганные стрельбой, ревом зрителей, струей воды, запахом крови, хищники, рыча и огрызаясь друг на друга, носились по клетке, пытались прорваться в спасительный тоннель.

А свирепый «охотник» схватил дрессировщицу за шею и волоком дотащил до своей тумбы. Взобравшись на нее, он пытался пристроить неподвижное тело рядом.

Я быстро скатился по той же служебной лестнице вниз, пытаюсь найти хоть огнетушитель, хоть что-нибудь. Я еще не знал, что буду делать, но я бежал в манеж.

Зал ревел. Я, как и все, бессознательно колотил по решетке, пытаюсь отвлечь тигра. В манеже среди хищников продолжалась паника. Неуправляемые львы и тигры носились по клетке, рыча друг на друга и на зрителей.

Старый дрессировщик лошадей пытался всех перекричать. Он призывал всех мужчин войти в клетку. Видимо, тигры боятся, когда к ним устремляется много людей? Но я воспринял это именно так и вместе с сыном старого дрессировщика кинулся в клетку к разъяренным хищникам.

Тогда я не понимал, что делаю. Никогда прежде мне не приходилось общаться с хищниками.

Мы вбежали в клетку. И оказались в этом кошмарном хаосе одни. Он и я. А остальные остались снаружи. Зрители и артисты стучали по решеткам

клетки, отпугивая и отвлекая тигров от безжизненного тела дрессировщицы. Я поднял тумбу и занял позицию, оберегая моего коллегу со спины. А он, размахивая металлическим дрючком, пытался отогнать тигра от «добычи».

Канатоходец, взобравшись на натянутый над клеткой канат, пытался сверху отогнать тигра от тела дрессировщицы металлической трубой-балансом.

Я не помню, как долго все происходило. Тигры и львы панически бежали по туннелю за кулисы.

Наконец, хищники покинули манеж. Оттуда был слышен шум металлических засовов и рычание тигров. Я вбежал в кабинет врача и, прихватив с лежака простынь, бегом вернулся в манеж. Лидия лежала между решеткой клетки и барьером — это зрители приподняли клетку и вытащили ее наружу. Дресси-

ровщицу внесли в кабинет врача. Вскоре врач сообщила:

— Она мертва...

Минут через 10 появились милиция, «скорая помощь», представители прокуратуры и КГБ.

Я долго не мог прийти в себя. Меня колотило. Кто-то дал мне полный граненый стакан водки, я выпил, дали второй, и этот стакан я тоже выпил как воду. Вообще я не пьющий, но эти два стакана никак не сказались на моем нервном состоянии.

В эти кошмарные минуты шок охватил и зрителей.

Кареты «скорой помощи» развозили по больницам зрителей, которым стало плохо после трагического зрелища. У одной зрительницы прямо в зале начались преждевременные роды...

За кулисами Харьковского цирка воцарилась гробовая тишина.

В ту ночь в гостинице цирка

Лидия Жига

никто так и не смог уснуть.

На теле Лидии Жиги обнаружили 28 рваных ран. Но они были посмертными. Мгновенная смерть наступила от удара, которым тигр перебил позвоночник...

В Румынии Лидию Жигу хоронили с почестями. Она была единственной в Румынии женщиной – дрессировщицей хищников.

ЗАГОВОРИЛСЯ

После представления я негромко постучал в дверь примерной моего коллеги Павлуши. Он не ответил, хотя из-за приоткрытой двери ясно доносился его голос.

Я тихонько вошел.

Павлуша сидел спиной ко мне и читал нравоучения своему партнеру коту:

– Сколько раз я тебе должен говорить – не своевольничай...

Кот смиренно смотрел на хозяина.

– А не будешь слушаться, – продолжал Павлуша, – получишь трандулей.

И тут я обиженным голосом тихо произнес:

– За что?

– Поговори, поговори у меня! – не на шутку рассердился на кота Павлуша.

Я незаметно выскочил в коридор.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Он появился, когда только стали вырисовываться контуры будущего здания Красноярского цирка. Пушкан, крошечный рыженький щенок, любящий рабочих, прижился на стройке.

В день открытия цирка он был уже рослым и крепким псом, полноправным хозяином всей территории. По ночам Пушкан обходил владения, охраняя цирковое хозяйство, а днем отдыхал в своем деревянном домике, который сколотил для него цирковой плотник.

Однажды весенним теплым утром он куда-то исчез. А вечером появился с подругой. Она была очень мила, но капризна и своевольна. Едва Пушкан ввел ее во двор, как она тотчас заняла деревянный домик. Пушкан попытался тоже втиснуться туда, но был выдворен наружу. Грустно вздохнув, он улегся под

открытым небом. Прощай, холостяцкая жизнь!

Подругу Пушкана назвали Куклой. Он оказался хорошим семьянином, постоянно таскал к домику все, чем его угощали, и все, что добывал сам. Кукла с удовольствием ела, а потом фыркала на супруга. Пушкан привык к ее фырканию и не обращал внимания. Так они и жили. Ночью Пушкан нес караульную службу, а днем бродил по городу.

Как-то он вернулся с прогулки не один. С ним приковыляла на трех ногах раненая овчарка. Кукла облаяла незваного гостя, но овчарка не покушалась на ее владения – она, тихонечко скулит и зализывая раны, улеглась у ворот. Пушкан беспокойно подбегал к кабинету циркового ветеринара и, обнюхав порог, возвращался к больной собаке.

К вечеру приехал ветврач, овчарку перенесли на задний двор цирка, перевязали раны, принесли поесть. Она была голодна, но не брала пищу от посторонних. Пушкан понял это. Он подошел к миске, достал кусочек мяса и положил перед овчаркой, тогда она принялась есть. Кукла издали наблюдала за ними.

Шли дни. Раненый гостьправлялся.

Однажды он дружелюбно взвизгнул, вильнул хвостом и убежал. А вечером появился снова. Подошел к домику, посмотрел на ворчливую Куклу и пошел с Пушканом на ночной обход.

Так у Пушкана появился друг и сослуживец.

МУРЗИК

Никто не знает, как появился в цирке этот маленький котенок. Он жалобно мяукал среди аккуратно сложенных реквизитных ящиков. Видимо, заблудился и не мог вылезти. Его долго звали, пытались привлечь колбаской, но от страха он умолкал, а потом снова зывал о помощи: – Мур-рз, Мур-рз, Мур-рз...

Наконец котенок вылез наружу, взъерошенный и очень худой. Его перенесли в кочегарку. Там было тепло и спокойно. А прозвали его – Мурзик.

Однажды Мурзик наткнулся на живого мышонка. Он с

любопытством посмотрел на серенький комочек и осторожно прикоснулся к нему лапкой. Мышонок жалобно пропищал: – Пик, пик...

Мурзику понравился маленький пискун, и он шаловливо перекувырнул его еще и еще раз. Мышонок немного осмелел, старался отпрыгнуть в сторону от котенка, а потом подходил снова. Наигравшись, они притихли и уснули, прижавшись друг к другу.

Прошли дни. Мурзик и мышонок Пик-Пик любили вместе прогуливаться по цирку. Цирковые с улыбкой провожали их взглядом.

Как-то раз они вышли прогуляться по двору, и тут из приоткрытой двери закулисного буфета вышел жирный кот.

Увидев мышонка, кот остолбенел, а кончик хвоста у него задрожал. Он стал подкрадываться к мышонку, приготовился... Прыжок... И острые когти жирного кота вонзились в спину Мурзика, который прикрыл собой мышонка. Взвизг, шипение, и кот отлетел в сторону, шмякнулся у мусорного ящика, тут же вскочил и испуганно усталился на рассвирепевшего Мурзика.

Котенок воинственно взглянул на обидчика, поточил о доску когти и гибкой походкой тигра прошелся по двору. Жирный кот, опасливо оглядываясь, поплелся восвояси.

А Пик-Пик весело засеменял за своим другом.

ЦЫГАНЕНОК ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ГЛУБИНЫ

Помню, работал я с Терезой Дуровой в программе, в старом Днепропетровском цирке. У нее в работу шла карликовая лошадь, недавно купленная у цыган. Проходя к станкам моих лошадей, я прошел мимо этого «цыганенка», а он вдруг стал брыкаться и ругаться. Я в ответ обматерил его по-грузински, и он мигом угомонился. Я не видел, что сзади шла Тереза Дурова и все видела. Она меня спросила, что это такое я сказал коняке, что он перестал бушевать. Я признался, что обматюкал по-грузински. Она тут же предложила мне ассистировать ей в этом номере, потому что никто не мог общаться с

«цыганенком», он не понимает русского языка, кусается и брыкается. А меня он понял. Как потом оказалось, цыгане сперли лошадку в грузинской глубинке, но не зная грузинского, решили избавиться от нее и сплавил Терезе Дуровой. Без грузинского разговорника.

МУСЛЯ

В 1976 году, по разнарядке Союзгосцирка, меня отправили на гастроли в Киргизию, в город Ош. Там, во дворе цирка, я увидел, как служащие и охрана гонят со двора в шею какого-то мужчину. Я не разглядел его, но мой собеседник проворчал:

– Опять Мусля пришел. Выгодным, а он опять приходит.

Я немедленно помчался за ним. Напротив служебного входа Ошского цирка находился базар. Видимо, он зашел на базар. Я обегал весь базар, но Муслию не нашел.

Я стал расспрашивать сотрудников цирка, и мне рассказали, что Мусля давно проживает в Оше в доме местного Пехлевана – силача. Они вместе гастролируют по селам, силач тягает гири, а клоун Мусля заполняет паузы.

На следующий день мне повезло и я встретил его около базара.

Я привел его в цирк, и мы долго беседовали. Мусля расспрашивал о цирке, который от него отрекся, рассказывал о своем житье-бытье, о работе по селам, расспрашивал о моих репризах, рассказывал о своих. А одну из них даже показал. Представьте себе, без грима, без реквизита и костюма он исполнил свою коронную репризу «Муха». Это было безумно смешно.

На следующий день Мусля и Пехлеван были моими гостями на представлении. Я заранее выпросил у директора цирка места в «царской ложе» и договорился с инспектором манежа, как представить зрителям удивительного клоуна – Муслию.

После традиционной цирковой увертюры, я вышел на манеж держась за грудь. Инспектор манежа спросил меня:

– Сандро, что с тобой? Сердце колет?

– Еще как колет. От радо-

сти. Потому что сегодня у нас в гостях знаменитый клоун советского цирка Мусля, Алексей Сергеев.

Я достал из-за пазухи букет красных роз, колючки которых больно впивались мне в грудь, и преподнес Мусле. Цирк аплодировал. Мусля прослезился.

На следующий день я попал в дом, где жил Мусля. Это было нечто среднее между сараем и овчарней. Глиняный пол, на полу матрас, трехногий стул, на котором лежала скрипка, прикрытая рубашкой. Вот и вся обстановка некогда знаменитого клоуна Мусли.

– Это моя келья, – с грустной улыбкой заметил Мусля. – Вот так и живу, без своей квартиры, а городские власти только обещают, но ничего более. Я написал письмо Юрию Никулину, он поможет. Передай ему это письмо.

Мусля протянул мне конверт с письмом Юрию Владимировичу Никулину и свою фотографию с дарственной подписью:

– А это тебе на память.

Фотография в карман не помещалась. Я положил ее под рубашку и прижал к груди.

Вскоре, во время переезда в очередной город, я зашел в цирк на Цветном бульваре и передал письмо. Никулин, узнав, от кого оно, стал меня расспрашивать, как там Мусля? Я рассказал все то, что уже известно и вам.

Волею судьбы через пару месяцев я вновь оказался в Оше. И тут узнал, что Юрий Никулин выполнил просьбу. Ордер на получение квартиры был отправлен Алексею Сергееву, который болел в своей «келье». На следующий день он скончался от воспаления легких.

Так и не довелось Мусле пожить в собственной квартире...

ЗДРАВСТВУЙТЕ, МАСТЕР!

В перерывах между представлениями в закулисной части цирка почти всегда проходят чемпионаты по нардам. Однажды, когда было затишье, у раскрытых нарда, в ожидании партнера сидел Да-Деш, и я, начинающий артист, осмелев, предложил:

– Сыграем?

– А умеешь? Садись, мастер, – усмехнулся Да-Деш.

Алексей Сергеев (Мусля)

Если кто не знает, Сандро Да-Деш (Александр Дадешкелиани) – цирковой артист, который демонстрировал виртуозное владение ногами: ел, пил, курил, брился, стрелял, писал и рисовал портреты как художник-моменталист.

Игра началась. Видимо, мой день удался, и кости выпадали как по заказу. Вокруг нас стали собираться болельщики. Я уверенно выигрывал. Да-Деш усмехался:

– Я тебе даю фору.

Третья партия тоже шла к моей победе. Болельщики стали посмеиваться:

– Да-Деш, Мастер, как этот сопляк тебя обыгрывает?

Эта партия также закончилась моей победой. Но Да-Деш не отпускал меня. Ему надо было отыграться, чтобы сохранить свой «титул».

– Давай партию-реванш. И я тебе покажу, как играют мастера. А ты при встрече со мной будешь здороваться «Здравствуйте, Мастер».

Я, обнаглев, переспросил:

– А если я выиграю, вы будете здороваться со мной «Здравствуйте, Мастер»?

Да-Деш, смеясь, заявил:

– Разумеется, договор есть договор.

Я выиграл реванш.

После этого матча, завидев Да-Деша, я забежал вперед и ждал встречи. Да-Деш исправно произносил:

– Здравствуйте, Мастер!

Это продолжалось пару дней. Наконец, ему надоело принимать эту шутку всерьез, и когда я в очередной раз забежал вперед, обежав хитроумные закулисные коридоры, и стал ждать его появления, Да-Деш внезапно схватил меня сзади за ухо пальцами ног и, крепко держа, поздоровался:

– Здравствуйте, Мастер!

После того я уже вперед не забегал.

ТАМ МЫШКА!

Закончилось второе отделение представления с участием аттракциона прославленного дрессировщика Вальтера Запашного.

Высокая худощавая ассистентка аттракциона, супруга дрессировщика Татьяна, бесстрашно покрикивала, выпроваживая дружескими пинками лохматых и полосатых питомцев по «домам».

Наконец, коридор опустел. Открылись все перегородочные двери. На конюшне со

Вальтер Запашный

Александр Дадешкелиани

скрежетом запирались двери клеток.

Вдруг за кулисами раздался истошный крик. Я влетел в гардеробную, откуда доносился вопль.

Бесстрашная в обществе тигров Татьяна с двумя пистолетами подмышкой и с арапниками в охалку, всхлипывая и вздрагивая от страха указывала взглядом в сторону кофра в углу:

– Там мышка! – дрожащим голосом прошептала она.

ПОДВИГ

Цирковое искусство можно отнести к искусству экстрима. Артисты демонстрируют всевозможные трюки, порой с риском для своей жизни.

Однажды, во время гастролей Заслуженного циркового коллектива Грузии, произошло событие, которое даже зрители не заметили.

В программе работал номер «Полет с батутом» под руководством заслуженного артиста Грузии Гамлета Натрошвили. В финале номера он прыгал на батуте, исполняя комические, но очень сложные трюки. Мы, артисты коллектива, довольно часто стояли в боковом проходе и смотрели на работу наших коллег.

И вот однажды, во время

комических прыжков на батуте, Гамлет вылетел, и его понесло на неминуемую гибель мимо сетки.

В это время, в боковом проходе оказался акробат по джигитовке Мераб Гарсеванишвили. Он краем глаза увидел, как Гамлет Натрошвили несется мимо сетки в манеж. Мераб мгновенно прыгнул навстречу падающему коллеге и всей силой своей массы сбил его с траектории падения. Гамлет покатился по манежу и, выполнив кульбит, вскочил на ноги с улыбкой на лице. А к Мерабу мгновенно подскочили акробаты и вынесли за кулисы.

Это был героизм со стороны Мераба Гарсеванишвили. Гамлет продолжал работу в программе, исполняя свои комические сложные трюки, а после работы со своей семьей и партнерами навещал временно закованного в корсеты своего спасителя Мераба.

Мераб понимал, на какой риск идет ради спасения коллеги. Со временем он «оклемался» и вновь скакал на своем коне в джигитовке.

Вот такими самоотверженными были артисты Заслуженного циркового коллектива Грузии.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВДВОЕМ!

Мы норовисты и уперты
и острые углы не стерты,
Хоть и в осенней карусели
мы уцелели еле-еле.
Пусть нас и предал прошлый век
Забыв, что смертен человек.
Что ж мы так вздорны, неумны,
Ведь наши дни давно заемны?
Мы для сегодняшней шпаны
Невидимая часть Луны.
За нами вирусы в охоте
– уж больно долго вы живете!
Познали важную из истин
дрожащие по ветру листья:
– Ты делай вид, что все путем!
– Ты делай вид – все нипочем!
Держись, еще мы поживем!
Ведь мы вдвоем, ведь мы вдвоем!

ТБИЛИСИ

О, город мой родной,
мой отчий дом, мое гнездовье!
Как сладостно,
как горестно с тобой единокровье!
Мой теплый город, бог и отец – Тбилиси...
Балкон и лестница, кран во дворе и кипарисы...
Акации в цвету, соседей переклички.
Многоголосье языков, обычаи, привычки...
Ночная ворожба – абрис горы Давида...
Приколы, шалости и детские обиды.
За счастье быть с тобой

КОРА ЦЕРЕТЕЛИ – киновед, критик, сценарист. Доктор искусствоведения.

Окончила английское отделение Тбилисского института иностранных языков. Работала заведующей отделом литературы и искусства в газете «Заря Востока» (Тбилиси), собственным корреспондентом газеты «Советская культура». Была старшим редактором Комитета кинематографии при Совете Министров Грузинской ССР. Преподавала на кафедре киноведения Тбилисского театрального института им. Руставели. Автор книг и монографий о театре и кино, сценариев документальных и научно-популярных фильмов.

Член жюри XVI Московского международного кинофестиваля.

Автор многочисленных изданий. В том числе книги «Мне Тифлис горбатый снится» (2018 г.). Предлагаем читателям журнала «Русский клуб» подборку стихотворений Кору Церетели.

И быть к тебе причастной
Я прилечу к тебе из стороны ненастной
Склонить колени на твоём пороге,
Пусть хоть меня застрелят по дороге.

ИРАКЛИЮ...

Мой мальчик, ты был от меня унесен
Внезапно распавшейся связью времен.
Безбожный, по волчьей безжалостный век.
Как слаб, как безволен пред ним человек!
Расторгнув объятия, очей моих свет,
Отправился жить на другой континент.
Рассеяло нас, словно пыль в сквозняке.
Скажи, на каком говоришь языке?
Как я пробиваюсь сквозь космос бескрайний,
Чтоб слышать тебя и увидеть в онлайн!
Как жадно ловлю я свое отражение –
Во взгляде, в улыбке, в походке, в движении...
Хоть в чем-то, хоть как-то...
Так хочется мне,
Чтоб смог ты продлить жизнь мою на Земле.

МОИ СТИШКИ

Мои плебеи без амбиций,
Простушки среди цветов-патриций...
Стишки мои – вы как ромашки,
Как кляксы на листе бумажки
Из-под пера у неумехи
Рождается при каждом вдохе.
С чего вы вдруг в конце пути
Меня решили растрясти?

Нарушить мой покой сонливый,
Диктуя строфы торопливо?
Поэзия: хореи, ямбы,
эллегии и дифирамбы...
А я пишу по мере сил,
Как Бог на душу положил.
Мои стишки, мои ромашки,
Вы кляксы на листе бумажки...
Пусть неуклюжи и неловки,
Но искренни и без уловки.

НОСТАЛЬГИЯ

Не пульсируй в висках, ностальгия,
Не буди, пощади мой покой!
Отпусти ты меня, Россия,
Не томи ты меня Москвой!
Мне б во двор, где растут кипарисы,
Чтоб прижаться к стволу щекой...
Не зови ты меня, Тбилиси,
Не кори ты меня Москвой!
Кипарисы давно распилили
И асфальтом залили дворы.
Не стреляй мне в висок, ностальгия –
Много весен прошло с той поры.
Перестань заводить, ностальгия
Переключкой родных голосов...
Не уймется моя аритмия,
Не найти мне знакомых следов.
Трепыхнулось усталое сердце,
За окном расплескалась тоска.
Отпусти ты меня, Тбилиси!
Не держи ты меня, Москва!

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Гонит ветер по дороге
Первый жухлый лепесток.
Високосный год, убогий –
Все тебе не вышел срок?!
Неизведанных болезней,
Смуты, горя и вражды
Сиротливый, бесполезный
Год потерь, год нелюбви.
Год несбывных обещаний.
Год загубленных идей...
В отрешении, в печали
От родных и от друзей.

Декабрь 2020

НЕПОГОДА

Осень, огненная жрица
Показала норов свой:
Закручинилась вдовицей,
Разрыдалась над Москвой.

По газонам, по дорогам
Потекли потоки слез.
Братец-ветер ждал предлога
И разгневался всерьез.
Распушил и сдернул с веток их поблекшую красу.
Зябко вздрогнули березки, прикрывая наготу.
Им, невестам непорочным,
Ждать придется много дней –
сиротливым, худосочным,
Ласки солнечных лучей.
Не-по-го-да, непогода!
Барабанит дождь в окно.
В непогоде, в несвободе
Сколько жить нам суждено?

17.10.2020

ДОЛГАЯ ЗИМА 2021 ГОДА

Мы все же вырвемся из лап твоих, зима,
Когда апрельская уймется кутерьма!
Ты к нам пришла, как маленькая смерть.
И все же мы сумели уцелеть.
Не злись, уйди – давно истек твой срок!
В саду проклюнулся отчаянный росток.
Запахло в воздухе целительным дождем
Глядишь, до лета доживем вдвоем.
Гоняет ветер в небе облака...
И запоздалая весна не далека.
Растает, уплывет, как талый снег
Все зло, чем одарил нас новый век.
...
Вдруг жизнь предложит нам такой расклад
И завершит зловещий маскарад...

5.04.2021

ДЕТИ ВОЙНЫ

Мы еще живы, хоть крылья в заплатах...
Жить без полета – кому это надо?
Весна на дворе искрится жемчужно...
Только скажи – тебе это нужно?
Брови насуплены.
Мы так недолюблены...
Кровоточащий оставили след
Пять окаянных
анафемских лет.
Жизнь пробежала за дверью, как мышь...
Все суетишься, куда-то спешишь...
Без толку, тщетно вдогонку, невмочь...
А время, как коршун уносит нас прочь.
Память не спишешь, никто не забудет:
пепел погибших нам в сердце стучит...
Выросли в годы тяжелые, клятые...
Мы, дети войны, без вины виноватые.

30.06.2021

МОЕМУ ОБИЖЕННОМУ ДРУГУ

Стал день бесполезен, уныл и несносен,
Как слякоть, как морось в московскую осень.
Постыло, устало живем

по привычке,
Дочитано все до последней странички.
А жизнь так несмело прошелестела,
Лишь что-то неловко пролепетала,
Не скайфовала, не прокатила.
Не приласкала, не подфартила...
Вспорхнула и села
совсем невысоко.

И... кончился бал
В мановение ока.
А сколько же в нас
нерастроченной нежности
По дури, по скупости и по небрежности.
Как тупо, исправно мы ходим по кругу.
Как мало, как скупы мы любим друг друга.
Все маета,

бестолковость, мираж,
Бессмысленность споров,
нелепый кураж...
И хочется мне так незримо, легонько
Обнять тебя, друг, как слепого котенка,
Чтоб не обидеть
попутно, невольно,
Ведь быть Человеком до ужаса больно.
Октябрь 2021

ЗАВЕТ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Соломон наказал: убегай от мирской суеты,
уходи в созерцанье,

И с глупцами не спорь
– так страхнешь с себя бремя тоски.
Так было, так есть и так будет
– на том и стоит мироздание:
Возвращается ветер колючий
на вечные круги свои.

Возвращается ветер...
Так написано в Ветхом завете:
– Вой в ушах, злоключения,
кровавое пламя войны!
Как напрасно мы будем искать
утешенья в ответе
– все пройдет, все проходит – вернется
на круги свои!
21.11.2020

КТО МЫ?

Как пробегают дни –
бессмысленно и мимо...
Грозится вирус мировым концом.

А мне по-прежнему до мук необъяснимо:
«Кто мы, откуда мы пришли? Куда идем?»
Какая горечь в возрасте дожития
– с усмешкой на устах, с оскоминой во рту...
Нет... не смогу представить я Таити
Ни в чудных снах, ни в сказке, ни в бреду.
Жить в окаянной тьме и тошно, и тлетворно...
Он это знал, чудной старик Гоген
И расцветил палитру
рукотворно,
Как Демиург, и мастер перемен.
Мы ж плотью изошли и духом обнищали.
И в пустыре души резвится воронье.
Второе тысячелетье разменяли,
А снова мрак и кровь, болезни и вранье.
Бредем по кругу слепо и пути не знаем –
Разрушены мосты,
нет выхода из тьмы.
И вновь с тоской гнетущей вопрошаем:
Кто мы? Куда идем? Откуда мы?

1.12.2020

ТРИДЦАТЬ РОЗ

Цветы у порога... Давно это было...
А я, недотрога, их так невзлюбила!
Тридцать роз – каждый год были снова и снова...
Это было всерьез, как поет Пугачева...
Поспешен наш век и обидно недолог –
Сколько было невстреч, суеты, недомолвок...
Мы в мутном потоке, как в облаке пыли:
Не слышим, не видим, устали, забыли...
Вот тут не врубилась, а там поспешили...
И не долюбили, и не додружили...
И носятся где-то среди туч и ненастья
Флюиды, микроны напрасного счастья –
То шепот глухой недосказанных слов,
То отзвук забытых родных голосов...

Цветы у порога, неспешные встречи...
Как многих уж нет, а иные далече.
4.01.2021

Не замути мне, Господь, сознание,
Дай мне сил раздышать дыхание!
Путь мне заказан к родным могилам,
Ноша мне не пришлась по силам...
Сумрачно, душно в болотном мороке...
Все мы погрязли в сваре и в склоке.
Как добр и как тепл был наш дом,
где были и друг, и сват...
А нынче тут правит Содом,
Умножая наш грех во сто крат...

– Ответь мне, Каин,
где Авель, твой брат?

Станислав Натенадзе

ОТ ГОГОЛЯ ДО МРОЖЕКА... И ДАЛЬШЕ!

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Умного, интеллигентного актера Станислава, Славу Натенадзе, увидев однажды, не запомнить невозможно. Он профессионал, поэтому все, к чему прикасается его волшебная артистическая палочка, вызывает неподдельный интерес. На протяжении многих лет мы наслаждались игрой Славы в самых разных ролях. Это и Наполеон в пьесе «Избранник судьбы» Бернарда Шоу, и Городничий в гоголевском «Ревизоре», и чеховский персонаж из спектакля по рассказам писателя «Жизнь прекрасна!», и Карабас-Барабас из сказки «Буратино».

Вспоминается прекрасная работа Славы Натенадзе в спектакле Ираклия Апакидзе «Эмигранты» Станислава Мрожека. Актеры Ираклий Апакидзе и Слава Натенадзе воплотили на сцене две противоположности: первый – интеллигент, писатель, интеллектуал, человек духа, второй (его и играет С. Натенадзе) – работяга, с примитивным, даже рабским самосознанием, готовый вкалывать как проклятый день и ночь ради того, чтобы скопить денег. Меткую характеристику ему дает интеллектуал: «Там (то бишь на родине) ты был раб государства, здесь (в эмиграции) – собственной

алчности!» Тем самым он подчеркивает, что рабское самосознание не всегда связано с социально-политической системой, воспитавшей человека. Это – качество, вообще присущее природе некоторых людей. Слава Натенадзе играет суетливого, скупого, лживого субъекта с дурными манерами. И тем не менее его герой вызывает чувство сострадания, когда под Новый год почти по-детски сучает по дому и лежит на постели, спрятав голову под подушку, или когда в порыве оскорбленных чувств уничтожает с таким трудом накопленные деньги, а потом пытается свести счеты с жизнью. При всей своей правоте вальяжный интеллектуал, читающий Артура Шопенгауэра, в сценическом воплощении Ираклия Апакидзе кажется даже жестоким в своих обвинениях и провокационных поступках в отношении соседа по комнате. Но это жестокость хирурга, удаляющего из организма больного опухоль. В итоге в рабе пробуждается самосознание свободного человека, к нему приходит острое понимание того, что он, по сути, мало отличается от животного, потому что живет, как собака...

Не забыть блистательный творческий альянс Станислава Натенадзе и Людмилы Артемовой-Мгебришвили – артистов,

которым подвластны разные жанры и стили – в инсценировке юмористического рассказа «Хороший конец» в спектакле «Жизнь прекрасна!». В дуэте со своей замечательной партнершей он создал сочный образ, демонстрируя недюжинное комедийное дарование.

Очень удачными для артиста оказались две встречи с Гоголем. В спектакле «Ревизор» Слава Натенадзе сыграл Сквозник-Дмухановского и предложил (вместе с режиссером Авто Варсимашвили) нетрадиционное решение образа. И вот как оценила, к примеру, украинская критика эту работу мастера: «Витязь Хлестаков стремится сражаться с порочным миром, да не с кем. Нет людей, а есть безропотные фантомы и фантики. За исключением, пожалуй, умного городничего, которого актер Слава Натенадзе играет совершенно замечательно: ровная и невозмутимая интонация какого-нибудь секретаря райкома, пережившего не одного дурака». В оценке другого рецензента отмечается, что в финале этот персонаж вызывает даже сочувствие.

В спектакле «Игроки» Гоголя Слава Натенадзе создает образ самого рационального, рассудительного и хитроумного персонажа в спектакле – это немец Кругель, всегда сохраняющий невозмутимость. Хотя внутри кипят страсти не менее бурные, чем у остальных. Вместе с режиссером Гоги Маргвелашвили актер выстраивает графически четкий рисунок роли своего героя – тертого афериста по призыванию.

– Слава, французский режиссер и педагог Антуан Виттез писал: «Театром нельзя заниматься, работая головой. Им можно заниматься, пропуская все через кишки или другие органы». Как прокомментируете эту мысль?

– Естественно, он прав. Через сердце, через внутренние органы, но и через голову. Это все вместе – иначе невозможно! Ведь, кроме всего, существует точность, требуемая режиссером, и чисто внешние технические моменты, так что без участия головы, я думаю,

никак невозможно.

– У того же Витеза: «Не надо слишком много работать, иначе потеряется свежесть игры».

– Это когда как. Бывает, что репетиционный период настолько увлекательный, что это порой интереснее, чем готовый спектакль. Многое зависит от того, с кем работаешь, что от тебя хотят, как ты представляешь свою роль и как себя этому отдаешь. Репетиционные периоды, сколько бы они ни продолжались, – конечно, я не имею в виду месяцы и годы! – бывают иногда действительно длительные, но при этом приносят большую радость и удовлетворение. Потому что если все «пропускаешь через кишки и сердце», то предлагаешь себе множество разных вариаций, среди которых иногда невозможно выбрать и отдать предпочтение какой-нибудь одной. Все интересно! А если период репетиций не длительный, то нет и никаких вариантов, существует какая-то одна установка – и все! Естественно, в нашей профессии первое горздо значимее.

– Хотя нынешняя театральная реальность – это часто именно жесткие сроки выпуска спектакля, нет возможности работать долго и тщательно.

– Это так! Но я представляю себе театр именно таким. Естественно, у театра много обязательств, разных форм существования. Но мне бы хотелось жить в театре, плыть именно в том направлении, о котором я сказал.

– Думается, ваш Наполеон в «Избраннике судьбы» – результат тщательной работы. У режиссера Андро Енукидзе при этом довольно жесткая фактура спектакля. Вам было удобно в ней?

– Я эту свою работу вспоминаю с приятным, радостным чувством. Может быть, мне было не всегда комфортно, но, несмотря на жесткую форму спектакля, Андро любит, доверяет актеру, позволяет ему многое – в хорошем смысле этого слова. И потому, у нас была очень хорошая,

Сцена из спектакля «Избранник судьбы»

сильная команда – блестящие актеры, настоящие профессионалы! Мне приходилось работать главным образом с моей партнершей Ирой Мегвинетухуцеси.

– В спектакле «Ревизор» вы создали необычный образ Городничего...

– В том-то и дело, что мы привыкли к хрестоматийному представлению об этом персонаже. Но разрушил стереотип главным образом режиссер. И хорошо, что разрушил. В итоге получился очень интересный спектакль, абсолютно новаторский. И мой Городничий, естественно... Мне кажется, это интереснейшая трактовка в мировой театральной практике постановок пьесы «Ревизор». За что я хочу поблагодарить Авто Варсимашвили, театр и всех тех, с кем мне довелось работать в спектакле.

– Что вы стремились выразить в первую очередь?

– У Городничего в голове абсолютно сбалансированные установки. И вдруг он сталкивается с неадекватной для себя ситуацией. И теряется. Плавает в воздухе. Из этого я и исхожу. Мой герой раздваивается между привычной уверенностью в себе и растерянностью, а это противоположные друг другу состояния! Городничий привык жить другой каждодневной жизнью и вдруг оказывается... нигде. Он не понимает, как ему быть. Верить или не верить в

то, что происходит? Как подступить к этому мистическому существу, каким представлен в спектакле Хлестаков? Как подобрать к нему ключ?

– У него есть ощущение, что Хлестаков – существо мистическое?

– Нет, этого ощущения у Городничего нет. Потому он и в полном смятении. Видит, что Хлестаков – вполне реальный человек, но не находит пути к нему.

– Еще один гоголевский мошенник – Кругель из «Игров».

– Опять-таки уникальный Гоголь! Кругель из тех людей, которые всегда пробиваются. У которых очень много вариаций поступков в жизни. Они техничны именно в этом плане. Что я сейчас достаю из кармана? Какую карту? Тройка, семерка, туз... Очень циничный человек.

– И никогда не теряет самоконтроля.

– Такие люди очень хорошие актеры по жизни. Они знают, когда, где и как играть. Естественно, и самообладание не теряют, твердо следуют своим законам жизненных отношений с разными людьми. Интересный для меня персонаж.

– А вы сами от чего можете потерять самообладание?

– Думаю, от аферизма и неискренности.

«Ханума»

– **То, что и присуще вашему герою Кругелю.**

– Разумеется. Это когда видишь внешне чрезвычайно хорошее отношение к тебе, но понятно, что это – ложь!

– **Опять-таки по Гоголю: «Такая уж надувательная земля!»**

– Но хочется надеяться, что земля-то надувательная, но на ней есть люди, на которых ты можешь все-таки положиться...

– **А такие люди есть? Или это только ближний круг? Друзья, родные?**

– Да, родные, друзья. Но есть надежда, что ты кого-то... или многих просто не знаешь, а такие есть, есть...

– **Работа над какой ролью доставила вам особое наслаждение, кайф?**

– Я не могу выделить что-то одно. Были такие работы... «Жизнь прекрасна», например. Это было мое первое знакомство с Грибоедовским театром. «Хороший конец» – эту сцену мы играли вместе с Люсей Артемовой. Она была моей первой партнершей на русской сцене. Помню каскад юмора, я чувствовал себя абсолютно раскрепощенно, свободно! А это очень важно для грузиноязычного актера, играющего на русском. А потом пошло и пошло... Никак не могу забыть этот спектакль.

Хотелось бы сыграть нашу «Хануму», «Эмигрантов»... Не могу сказать, что роль в «Эмигрантах» была мной очень любима. По той причине, что у нас не было времени создавать.

– **Время репетиций было ограничено?**

– Режиссер-постановщик Ираклий Апакидзе перенес на грибоедовскую сцену то, что уже было сделано им на другой. Но в итоге у нас все получилось... Тот редкий случай, когда вначале не складывается так, как тебе бы хотелось, – то есть когда ты сам рождаешь персонаж. Мне нужно было сделать только так – и все! Когда ты не ищешь, не лепишь, а повторяешь то, что уже было. Обычно это приносит дискомфорт. Но не в случае со спектаклем «Эмигранты».

«Эмигранты»

уверенностью сказать, что я отказался бы от такой возможности. И все-таки меня больше привлекает, когда ты работаешь над образом, ищешь, находишь, отрицаешь, принимаешь и проч. Процесс для меня сам по себе хорош, мне комфортно, и я это люблю.

– Главный человек в театре – режиссер, актер? Сегодня актер в спектакле нередко становится всего лишь функциональной единицей.

– Я этого не приемлю. Считаю, что в театре главные... абсолютно все!

– Вы прошли долгий путь в профессии, в которой достигли высокого уровня. К чему, к какой работе вы сейчас готовы? Не может быть, чтобы вы не думали о какой-то конкретной роли.

– Я не знаю актеров, в каком бы возрасте они ни были, которые не носили бы в себе какой-то персонаж. Нет такого актера... В то же время не знаю, насколько было бы корректно с моей стороны называть что-то конкретное.

– Но вы имеете право на это.

– Не думаю. Это значит, что ты какого-то режиссера обяываешь. Интересно носить в себе свою мечту. Думаю, что-то обязательно случится. Получится то, о чем мечтал, – прекрасно. А может быть, произойдет что-то другое, о чем ты и не помышлял.

– У вас была в Свободном театре очень интересная ра-

«Игроки»

«Гетто»

бота в моноспектакле остро социального звучания «Псарня» по пьесе Нино Садгобелашвили. Режиссер – Вано Хуцишвили. В центре – судьба бомжа, волею обстоятельств вынужденного убежать из дома еще в детстве. Самыми близкими существами на свете для него, отвергнутого жестоким человеческим обществом, выброшенного на улицу, становятся собаки... Самое главное, считают создатели спектакля, – это сохранить в себе человека в высоком смысле этого слова, не превратиться в животное. Даже будучи на самом дне. Прямо по Горькому. «Я человек!» – говорит о себе герой С. Натенадзе в финале. Художественный образ спектакля, насыщенного экспрессией, создает Тео Кухианидзе. Мы видим на сцене огромную клетку. Эта метафора – символ огромного равнодушного мира, в котором царят насилие и страх. В одной из до-

минантных сцен клетка вращается на такой бешеной скорости, что у зрителя захватывает дух.

– Это мой первый и пока последний опыт моно.

– Страшно работать без страховки?

– Не могу сказать, что страшно. Но это был очень серьезный опыт. Длинный спектакль... полтора часа. Но по его окончании у меня была хорошая усталость. Усталось удовлетворения.

– Некоторые актеры говорят, что после удачного спектакля бывает такой прилив сил, что можно его сразу повторить.

– Как сказать? Бывает, конечно, такое внутреннее состояние. Актерам по жизни много чего не хватает и в театре, и за его пределами, и даже дома, в семье. Но после такого удачного спектакля, когда происходит взрыв адреналина, ты все можешь, обо всем плохим забываешь, все профессиональные и непрофессиональные проблемы отступают, и ты чувствуешь себя счастливым человеком!

– Если в один прекрасный день театр уйдет из нашей жизни... Представляете такую ситуацию для себя?

– Нет.

– Для вас это будет катастрофа?

– Конечно! Но это будет всеобщая катастрофа. Такого я не могу допустить ни на секунду.

К. Магалашвили, Л. Гудиашвили, Д. Какабадзе и Е. Ахвледзиани в Версале. 1925

ГРУЗИНСКИЕ ХУДОЖНИКИ В ПАРИЖЕ

■ **Ирина ДЗУЦОВА**

На заседании правления воссозданного по инициативе Дмитрия Шеварднадзе Грузинского художественного общества от 20 июня 1919 г. были утверждены одиннадцать кандидатур молодых художников для поездки во Францию. Из них в итоге были выбраны Ладос Гудиашвили, Давид Какабадзе, Шалва Кикодзе, Елена Ахвледзиани и Кето Магалашвили.

По замыслу Художественного общества они должны были продолжить образование на государственную стипендию в Париже. Столица Франции той эпохи – всемирно известная кузница талантов, имена которых ныне фигурируют в энциклопедиях и книгах по истории национального искусства. Художественная культура Парижа складывалась из двух компонентов: деятельность местных мастеров и приезжих художников из разных стран мира. В романтическом и динамичном стиле парижской культурной жизни отразился бег мятежной эпохи. Ее представители оставили ощутимый след в биографии XX века. Современную историю художественных связей

Тбилиси и Парижа можно «отсчитывать» с имен Л. Гудиашвили, Е. Ахвледзиани и Д. Какабадзе. Пребывание в Париже для них стало важной и интересной страницей творческой биографии. Их молодой и талантливой энергией, стремлением к новому нельзя не восхищаться.

Владимир (Ладос) Гудиашвили (1896-1980) прибыл в Париж вместе с Д. Какабадзе 1 января 1920 года и оставался здесь до 1925 г. В своей «Книге воспоминаний» он писал: «В Париже я был не одинок, кроме Давида Какабадзе там вместе со мной были Ш. Кикодзе, Е. Ахвледзиани, К. Магалашвили. Мы, так сказать, представляли маленький грузинский островок, который в дальнейшем не остался безвестной землей». Л. Гудиашвили подружился с художниками Фернаном Леже, Пабло Пикассо, Леонардом Фужитой и другими завсегдатаями знаменитого кафе «Ротонда» на бульваре Монпарнас. Гудиашвили принимал активное участие в благотворительных балах-маскарадах артистической богемы Монпарнаса, усердно занимался в художественных студиях, его картины выставлялись в «Осеннем салоне» и в частных

галереях, их покупали коллекционеры. В его работах парижского периода преобладали грузинские мотивы, даже в пейзажах французских городов, исполненных в технике акварели и карандаша. В 1922 г. Гудиашвили расписал стены «Кавказского ресторана» на Монмартре, в 1924 г. оформил спектакли итальянской оперы вместе с А. и Н. Бенуа, С. Судейкиным и В. Шухаевым, работал для кабаре Н. Балиева «Летучая мышь» (костюмы и декорации для спектакля Н. Санина «Недалеко от Тифлиса»).

В 1925 г. в галерее Жозефа Бийе была устроена выставка живописных работ, акварелей и рисунков Гудиашвили. Вместе с Какабадзе и Кикодзе он был представлен на выставке в галерее «Ля Ликорн». Критики отмечали особый почерк Л. Гудиашвили, в котором соединялись западная острота мышления и восточный артистизм, преданность национальным корням.

В том же 1925 г. в Париже вышла книга художественного критика Мориса Рейналя «Ладос Гудиашвили».

Парижское наследие художника сохранилось лишь частично. Некоторые работы он привез с собой в Тбилиси, и они хранятся в частных и музейных собраниях. Кое-какие работы остались в Париже у друзей, но позже «разъехались» по разным странам. Так, в известном собрании рус-

Л. Гудиашвили. «Парижане». 1921

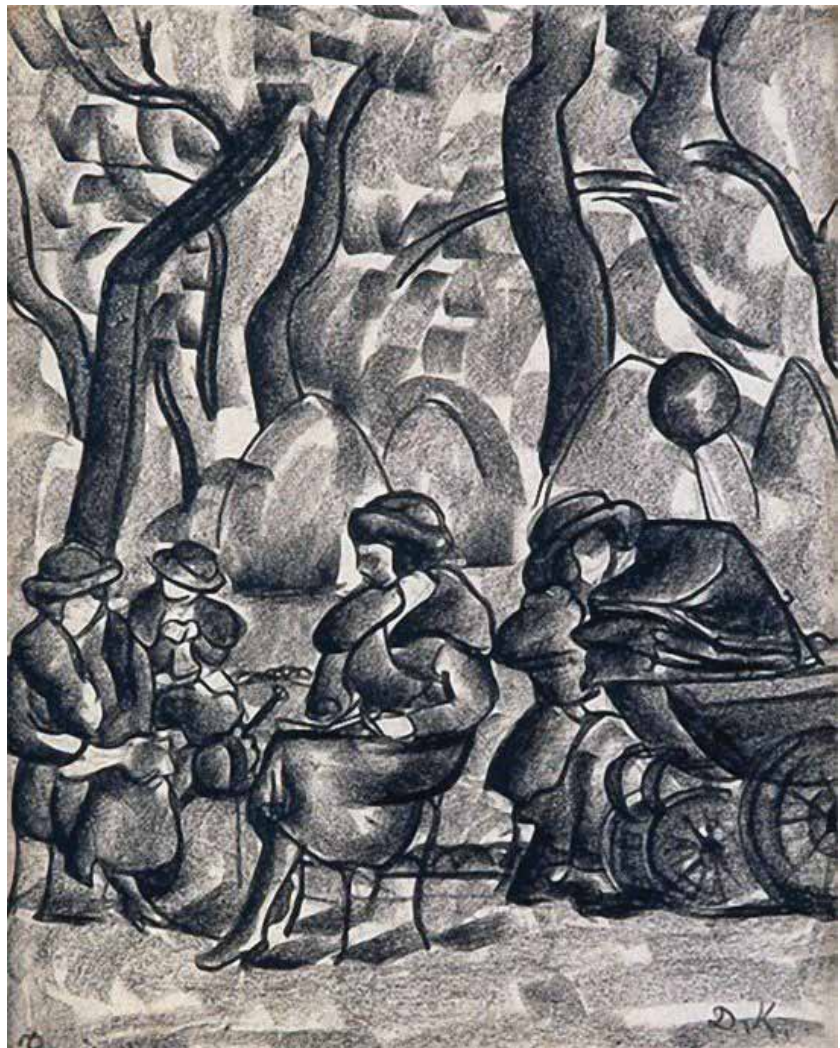
ской театральной живописи Н. Лобанова-Ростовского имелись три эскиза костюмов грузинских танцовщиц, датируемые 1922-1923 гг., и несколько акварелей. Они экспонировались в Москве в 1988 г. на выставке произведений из собрания Лобанова-Ростовского и представлены в энциклопедии «Шедевры русской театральной живописи», изданной в Великобритании в 2013 г.

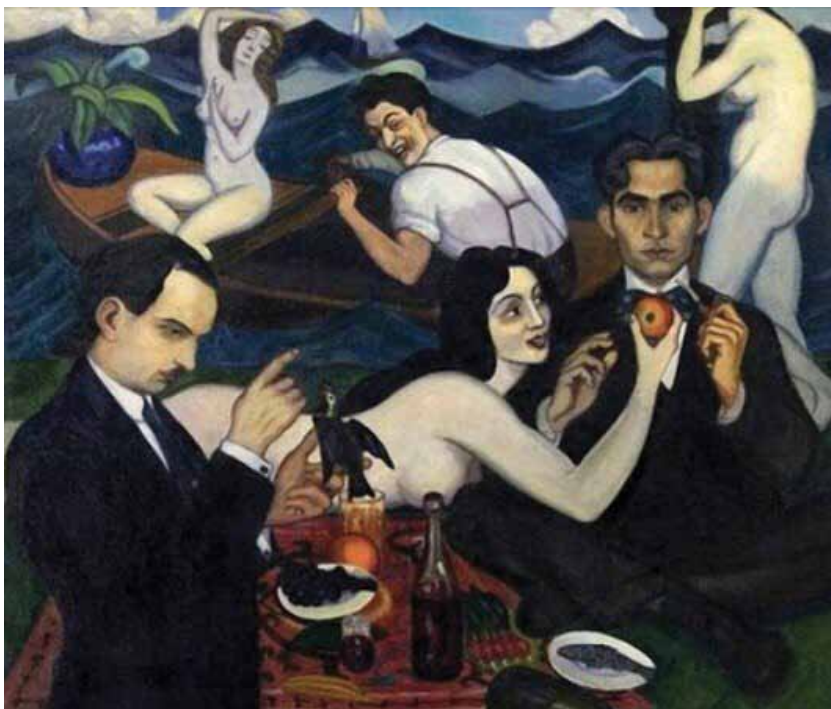
На протяжении многих лет московские коллекционеры (уроженцы Тбилиси) Тамаз и Ивета Манашеровы собирали работы Гудиашвили парижского периода. В 2009 г. на выставке в Третьяковской галерее были представлены более пятидесяти картин и рисунков, созданных художником во Франции.

Еще при жизни Л. Гудиашвили стал классиком, удивляя богатством замыслов, поэтической фантазией, умением синтезировать традиции грузинского искусства с новаторскими находками искусства нового времени. Среди соблазнов художественной жизни Парижа 1920-х гг. он остался верен себе.

Елена (Эличани) Ахвледiani (1901-1975) прославилась в грузинском искусстве как живопи-

Д. Какабадзе. Из парижских зарисовок. 1920

Ш. Кикодзе. «Три художника». 1920

сец, график и художник театра. С 1922 г. она жила и работала в Италии, а в 1924 г. приехала в Париж, где также много и напряженно занималась творчеством, посещала музеи. Но главным оставались занятия в частной художественной школе, основанной итальянским скульптором Филиппо Коларосси. Здесь за небольшую плату она рисовала обнаженную натуру и делала до пятнадцати набросков в день углем, сангиной и тушью. Она достигала острой выразительности облика моделей. В стилистике ее работ угадывалось влияние французских художников от Энгадо до Пикассо.

В свободное от занятий время Е. Ахвледиани рисовала сюжеты, увиденные на улицах Парижа, в цирке, в кафе. Известна серия ее парижских пейзажей, как, например, «Монмартр», «Париж», «Уголок Парижа», «Париж. Район рабочих» и др. В то же время продолжала писать картины с видами Грузии и старого Тбилиси: «Кахети. Зима», «Сельский пейзаж», «Кутеж у дороги». Работы художницы имели успех, их покупали коллекционеры (Поль Синьяк). Критики положительно отзывались о них, отмечая живописность, романтичность и декоративность. Картины Ахвледиани экспонировались на «Осеннем салоне», «Салоне независимых художников». В 1926 г. была

устроена ее персональная выставка в галерее «Катр шмен». По возвращении на родину 1 июня 1927 г., в Тифлисе открылась выставка произведений художницы заграничного периода.

Произведения Е. Ахвледиани парижского периода интересны и сегодня. Неслучайно в 2008 г. в Париже в течение месяца в музее Монпарнас экспонировались именно ее работы (наряду с работами Веры Пагава) парижского периода. Комиссарами выставки были Робер Альбукер и Шалва Хаханашвили, а организаторами – посольство Грузии во Франции и Дом Грузии в Париже.

Приехав в Париж в 1920 г.,

Д. Какабадзе. «Лодки». Париж. 1921

Давид Какабадзе (1889-1952) со свидетельством на государственную стипендию общается со старыми знакомыми по Петербургу и Тифлису и заводит новые знакомства. Он проучился в одногодичной школе искусств при Лувре, посещал выставки, музеи, Национальную библиотеку, художественно-артистические вечера, издавал свои книги и активно занимался творчеством. Он также участвовал в литературно-художественной группе «Через», основанной Ильей Зданевичем в 1922 г., состоял в Обществе независимых художников. Какабадзе увлекался новыми «измами» в искусстве и в своих статьях выступал как защитник абстрактного искусства. В Бретани художник создал серию кубистических изображений лодок, трудился над декоративными коллажами-конструкциями. Его абстрактные картины напоминают почти космические пейзажи.

В 1921 г. Какабадзе издал книгу «О конструктивной картине» в собственном художественном оформлении. В том же году состоялась выставка его работ (а также работ Гудиашвили и Кикодзе) в галерее «Ля Ликорн». В 1924 г. он издал книгу «Париж. 1920-1923», затем в 1926 г. – «Искусство и пространство». На эту же тему он прочитал лекцию в Союзе русских художников в Париже в 1924 г. В книге Какабадзе отмечал: «Живое лицо нового искусства – Нико Пироманашвили». Какабадзе считал, что следует изучать искусство прошлого и в то же время идти

в ногу с современным мировым искусством, не быть и интерпретатором его и котировать его, принимать не внешние формы, а внутреннюю суть.

В 1924-1925 гг. он создал биоморфические абстракции, близкие к сюрреализму. Всю жизнь художник искал свои пути обновления живописи, но при том не отрекался от традиций классического искусства.

Важно упомянуть некоторые темы лекций, прочитанных Какабадзе в Союзе русских художников в Париже в 1924 г.: «Эмоция пространства», «Духовная связь между человеком и предметами пространства», «Новые средства выражения понятия динамического пространства», «Восток и Запад». Названия некоторых работ художника также заслуживают интереса: «Абстракция» (1926 г.), «Конструктивно-декоративная композиция» (их несколько, 1923-1924 гг.), «Кубистическая композиция» (их несколько, 1920 г.).

Е. Ахвледиани. «Уголок Парижа». 1926

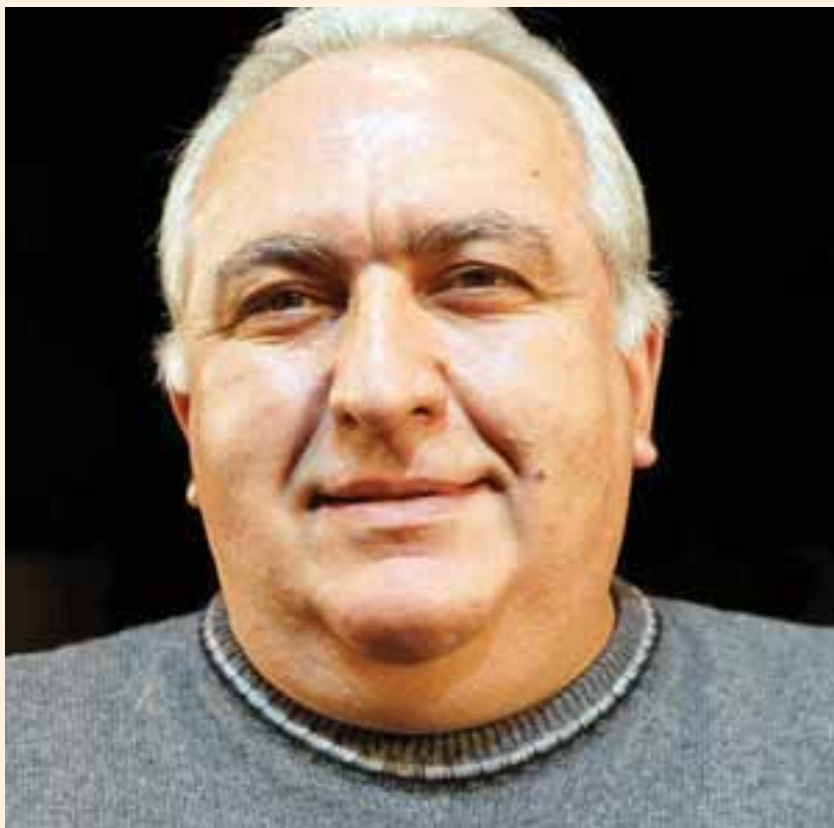
Грузинские художники в Париже

Какабадзе (как и Гудишвили и Ахвледиани) довольно естественно вписался в художественную жизнь французской столицы. Его талант признавали и ценили в Париже. О популярности художника свидетельствует тот факт,

что его картины попали в знаменитую коллекцию американки Катрин Драйер. Она была апологетом авангардного искусства и приехала во Францию, чтобы собрать образцы европейского искусства. На «Салоне независимых художников» она увидела работы Какабадзе, затем посетила его мастерскую. В результате этого знакомства работы грузинского художника (шестнадцать акварельных листов и одна скульптура) были экспонированы в художественной галерее Йельского университета в Нью-Йорке.

Ностальгия по родине и весть о смерти отца окончательно утвердили Какабадзе в решении вернуться в Грузию. Он приехал в 1927 г. Здесь, вопреки безжалостной критике и сложной социально-политической обстановке, он продолжал активную творческую жизнь, читал доклады, писал статьи по теории искусства, работал в театре и кино, преподавал в Академии художеств.

Творческая биография выдающегося грузинского живописца, графика, художника театра и кино, теоретика искусства, изобретателя стереокино стала достоянием истории грузинского искусства. Память о нем живет и в городе его молодости: в 2015 г. при поддержке Министерства культуры Грузии в Париже в музее Майоль состоялась ретроспективная выставка произведений художника, посвященная 125-летию со дня его рождения.

Джумбер Барнабишвили

МАСТЕР

■ **Нина ШАДУРИ**

Если кто не знает, портной отличается от своих коллег швеца и кравеца тем, что умеет все и может сшить любое изделие от начала и до конца, включая все необходимые операции – будь то раскрой, отделка или любая другая мудреная составляющая сложного портновского ремесла.

Заведующий пошивочным цехом Театра им. А.С. Грибоедова Джумбер Барнабишвили – портной от Бога, абсолютный профессионал. Он знает о своей профессии все. А если чего не знает, того и знать не надо.

Батони Джумберу исполнилось 60 лет. Из них 26 лет он служит в Грибоедовском. Здесь за все эти годы он «одел» не менее 200 спектаклей и сшил не менее двух тысяч костюмов. Но если вспомнить, что в числе его заказчиков и театр им. Марджанишвили, и театр оперы и балета, и ТЮЗ, и региональные театры, то количество костюмов с легкостью перевалит тысяч за

пять, не меньше.

Ювелирная точность воплощения замысла художника, высочайшее мастерство исполнения – все это делает изделия Джумбера Барнабишвили настоящими произведениями искусства. Неслучайно несколько его костюмов занимают почетные места не только в музее Грибоедовского театра, но и в различных музеях Грузии.

«Снежная Королева»

Рабочий график мастера загружен до предела. И все-таки он нашел немного времени, чтобы рассказать нам о том, как начинался его путь в профессии и в Грибоедовском, что отличает настоящего профессионала от мнимого, чего он не приемлет в людях и за что благодарен судьбе.

– Детство у меня было счастливое, потому что я рос в любви. Родители были добрыми, терпимыми, не очень строгими и воспитали меня, как мне кажется, хорошо. Я долго оставался единственным ребенком в семье, а потом у меня наконец-то появился брат. Разница между нами составляет 13 лет. Я никогда не ревновал, не завидовал и сразу принял младшего брата с огромной радостью... Мой рабочий стаж берет отсчет аж в 1977 году. Можете подсчитать – я работаю с 16 лет. Именно из-за этого я в свое время перешел в вечернюю школу. Учился, кстати, на круглые пятерки. В положенное время пошел в армию. Служил в Подмосковье, в стройбате. Убежден, каждый мужчина должен отслужить в армии. Обязательно. Там ты понимаешь, что люди бывают разными – и хорошими, и плохими. Все видно, как на ладони. До армии я думал, что все люди на свете похожи на меня – добрые и веселые. Куда там! Даже родной земляк мог оказаться способным на подлость...

Мои родители всю жизнь проработали на знаменитом Тбилисском шелкоткацком комбинате, выдающиеся были ткачи. А по материнской линии в на-

«Шинель»

шем роду гремели сапожники, известные кутаисские мастера. Все хотели, чтобы я продолжил династию и стал сапожником. Но я, увы, совершенно не переношу запаха клея. Мне от него просто плохо становится. Как стал портным? Это не был сознательный выбор, скорее – вынужденная мера. Дело в том, что мы с моими четырьмя друзьями вели, прямо скажу, не очень правильную жизнь. Детство было, можно сказать, уличным. Хотя я много читал и отлично учился. Один из моих друзей погиб, другой попал за решетку... И тогда отец поговорил со мной очень, очень серьезно: «Джумбер, опомнись, займись делом». И отправил меня работать в пошивочное ателье. Вообще, у меня всегда был такой подход к работе: если в течение недели дело мне понравится, то я продолжу им заниматься и изучу до конца. Так вот, начал я учиться на портного. Прошло пять дней. И вот в одно прекрасное утро заходит клиент: «Ребята, срочно надо укоротить брюки». А все мастера заняты. Мне говорят: «Джумбер, давай, сделай!». Как?! Я не могу, я всего лишь ученик. Но, видимо, это была судьба. Сделал. И за 20 минут заработал 20 рублей. О, подумал я, какая хорошая работа! И пошло!

Я очень усердно учился. По началу моей специализацией были брюки. Вообще, высший пилотаж портновского дела – это пиджак. Но я всем доказываю,

что брюки шить сложнее, хотя брюки шьются за пять часов, а пиджак за два дня. Пиджак все равно «посадишь» – после одной, второй, третьей примерки. А брюки надо «посадить» с первой же примерки. Некоторые портные, шившие брюки, не могли шить пиджаки. И наоборот. А я решил – давай-ка я выучусь и пиджаки шить. Учился шесть месяцев. И научился. Талант в этом деле, конечно, необходим. Так же, как и труд. Но самое главное – это запоминать. Запоминать все, что тебе объяснили, чему научили. Когда я вернулся после двух лет службы в армии, мой учитель тяжело вздохнул: «Эх, теперь тебя заново надо всему учить». Я ответил: «Я ничего не забыл». – «Как это не забыл? Когда я оставил работу на два года, мне потом было очень все трудно вспомнить». – «Давайте, проверяйте». И он убедился, что я, действительно, все помню. А знаете, почему? Раньше я очень увлекался китайской медицинской, методиками медитации. И там была такая рекомендация – если постоянно повторяешь в уме то, что знаешь, воображаешь, представляешь, даже без практики, то никогда не забудешь. И в армии после отбоя я сразу начал представлять: первая примерка – делается так и так, вторая примерка – так и так... Постоянно повторял. И ничего не забыл.

В чем проявляется талант портного? Трудно объяснить

«Рождественская сказка»

«Гетто»

словами. Самое страшное, если ты, закончив работу, заметил какой-то изъян, но махнул рукой – ничего, мол, сойдет и так, никто не заметит. Значит, ты уже не мастер. Бывает, приходит ко мне клиент, примеряет обновку, остается в восторге – ох, как хорошо! А я вдруг замечаю какую-то крохотную недоделку. В таких случаях, ничего не объясняя, говорю: «Не отдам, приходи завтра». – «Почему? Ведь все готово!» – «Нет, завтра».

И исправляю. Надо с сердцем подходить к работе, будь то театральным костюмом, или любой другой. Кстати, театральные портные часто не доводят свою работу до совершенства – а, дескать, ничего, со сцены не видно. Я не согласен. Как это не видно? Все видно! Для меня подобное неприемлемо. Работать надо чисто.

Как я попал в театр? Я к тому времени давно и успешно работал в ателье Совета министров Грузии. Но в 90-е годы все начало разваливаться, и наше ателье тоже. И тогда завпост Грибоедовского Павел Григорьевич Мирвелов предложил мне прийти в театр на вакансию портного. Я пришел, вдохнул, как говорится, театральную пыль – и остался. На тот момент, кстати, я шил только пальто, пиджаки и брюки. И тогда заведующая костюмерным цехом Тамара Церетели, светлая ей память, сказала: «Джумбер, ничего не бойся, работай по эскизам, если что – я помогу». Спасибо ей – мне сейчас никакая работа не страшна, все умею, все могу. Кстати, работаю без выкройки. Это чистая математика – надо прибавлять, убавлять, делить... Мне необходимы эскиз и размеры. Все.

Одним из моих первых спектаклей стал «Запасной аэродром» Гоги Кавтарадзе. Художником был Юра Гегешидзе. Он принес мне эскизы. Я, держа в руке карандаш, их рассматривал и провел карандашом по одному из эскизов маленькую черточку: «А если здесь сделать вот так?» И тут Юра как дал мне по руке! «Какое ты имеешь право трогать мой эскиз?!» Я не обиделся – он был прав. Если кто-то начнет что-то исправлять в сшитом мной костюме, я не то что по рукам, вообще по роже дам!

Из художников мне легче всего работает с Наташей Кобахидзе. Она талантливый человек и не только прислушивается к моим советам, но и помогает мне. Очень важно, когда художник советуется с портным. Если художнику не понравится какая-то линия на его эскизе, он ее сотрет и нарисует новую. Я такого с костюмом сделать не могу. Поэтому иногда сове-

Джумбер Барнабишвили с внуком

тую художнику, как сделать будущий костюм более удобным. Легко с теми художниками, кто говорит мне так: шей так, как тебе удобно, лишь бы было похоже на мой эскиз.

Трудно ли работать с актерами? Ах, какие у нас были артисты, царствие им небесное! Люся Артемова, Алик Кухалеишвили... А у нынешней молодежи – звездная болезнь, прямо говорю. Одну главную роль сыграл, и все, никого не узнает! Двоих-троих я отсюда чуть ли не пинками прогонял! В этом вопросе я непоколебим. Каждый должен заниматься своим делом. И я не потерплю, чтобы кто-то, кроме художника, мне диктовал и указывал, как шить. Вообще, не выношу хамства. Пришел как-то на примерку один артист. Это сейчас в моем цеху комфортно, тепло. А раньше, до ремонта, здесь было так холодно, что впору было по сто грамм пить, чтобы согреться. Так вот, зашел этот артист, а я как раз отлучился на пару минут. Возвращаюсь, а он в крик: «Я, что, тебя дожидаться должен в таком холоде? Я тут совсем замерз!» А в этом холоде работал не только я, но и мои помощники, которые присутствовали при этом разговоре и, между прочим, продолжали работать. В общем, занесло его, наговорил лишнего. Я, недолго думая, взял его костюм, дал ему по голове и вытолкнул вон. Он побежал жаловаться к директору. А Свентицкий ему сказал: «Джумбер тебя просто

так не выгнал бы».

Не собираюсь хвастаться, но я шил и шью для таких людей, с которыми каждый норовит сфотографироваться на память, чтобы потом фотографию на стенку повесить. Если перечислять поименно, то начать можно с Шеварднадзе и министров того периода. Должен сказать, что все они были очень приятными и простыми людьми. С ними невозможно было поссориться. Они не умели обижать. Министр вел себя, как твой родной брат. А сейчас? Едва должность получил, так уже свысока смотрит. Знаете, есть такой анекдот. Мужик приходит к врачу. «Доктор, со мной что-то случилось, я заболел». – «А что такое?» – «Перестал узнавать знакомых». – «Все понятно. С повышением вас!»

Меня, между прочим, хотели переманить в Батуми. Очень хорошие условия предлагали – высокую зарплату, квартиру. Я, конечно, отказался. Не люблю начинать заново. Я давно здесь работаю. Привык. Моя первая семья – это театр, честно говорю. Дома я бываю реже, чем здесь. Дети мои – уже взрослые, живут отдельно, работают, растят своих детей – моих любимых внуков... А со мной всегда рядом моя жена Мзия. Без преувеличения, это и моя правая, и моя левая рука. Моя опора во всем. Без нее у меня никогда ничего бы не получилось.

Поздравляем Джумбера Барнабишвили с круглой датой и от всего сердца желаем здоровья, радости и благополучия!

Людмила Артемова

«СВЯТО МЕСТО ОСТАЛОСЬ ПУСТЫМ...»

13 ноября был день рождения недавно ушедшей от нас Люси Артемовой – заслуженной артистки Грузии Людмилы Артемовой-Мгебришвили. А назавтра коллеги, друзья, поклонники собрались в Малом зале театра имени Грибоедова, чтобы вспомнить любимую актрису, женщину, подругу... Получился искренний, пронзительный вечер, поставленный завлитом театра Ниной Шадури. Его вела актриса Ирина Мегвинетухуцеси. Эпизоды спектаклей, фрагменты фильмов с участием Людмилы Артемовой,

бесценные видеоматериалы, сохранившие для нас теплый образ Люси, песни и стихи в ее исполнении. И бесконечные воспоминания о ней... длиною в целую жизнь.

Николай Свентицкий:

– Люся любила... особенно людей своего театра. Очень искренне переживала чьи-то неудачи и так же искренне, со своей обворожительной улыбкой, умела радоваться. Говорят, свято место пусто не бывает. Но свято место осталось пустым. Люси очень не хватает. И поэто-

му нам нужно чаще собираться и вспоминать наших актеров, игравших на этой сцене. Потому что фундамент – это наша история. Нет истории, нет фундамента – стены театра начинают рушиться. Рушится сцена, падает потолок. Поэтому очень важно, что мы сегодня вместе. И Люся с нами...

Валерий Харютченко:

– Переверну песочные часы. Мгновение... час... день... месяц... год... вечность! Время течет, сыплется, как песок... Рождение, детство, юность, зрелость, старость. Смерть... Разобьешь песочные часы – рассыплется песок. Время же свой неотвратимый ход не остановит. Люся, я часто вспоминаю о тебе. 50 лет! Целая жизнь! Сколько пережито вместе. Сколько надежд, разочарований и вновь надежд, сколько премьер... Люся была настоящим профессионалом, мы были хорошими партнерами. Иногда она даже называла меня братом. Сестра, сестра моя... по жизни и по сцене.

Слава Натенадзе:

– Она проявила на репетициях спектакля «Жизнь прекрасна!» по Чехову удивительные человеческие качества – абсолютную простоту, чуткость, для того, чтобы я, грузиноязычный актер, впервые выступающий на русской сцене, не был зажат и чувствовал себя свободно и раскованно. А это очень важно. Люся была хороша во всех спектаклях, в которых мне с ней довелось играть. Но этот случай в моей памяти особенный. Я хочу сказать Люсе огромное спасибо!

Ирина Мегвинетухуцеси:

– Никогда не могла предположить, что буду стоять на сцене и, пользуясь книгой, которую написала о Люсе журналист Марина Мамацашвили, люсиными воспоминаниями, буду играть роль... ведущей вечера ее памяти! Мы очень часто беседовали по телефону и, как ни странно, о театре говорили мало. Поэтому разговоры были скорее родственные. Я знала все, что происходит в ее большой семье, она знала все о моей...

Марина Мамацашвили:

– Эта книга, эта актриса, эта женщина вошла в мою жизнь и наполнила душу своей совершенно необыкновенной личностью. Людмила любила людей, я это почувствовала по ее рассказам. Люся оставила у меня ощущение смелого человека, и оно пришло из ее воспоминаний о том, как она семнадцатилетней девочкой из маленького провинциального городка поехала в Москву... Мы живем в трагическое время, потому что оно наполнено безвременными уходами ярких, интересных людей. И уход Люси был именно трагический.

Олег Мчедлишвили, посвятивший Людмиле Артемовой песню:

– Разум отказывается верить, что рядом нет этого жизненнолюба! Люся была красивая, добрая, замечательная женщина.

Дмитрий Спорышев:

– Я к ней испытывал сыновние чувства. И в эти дни у меня родились стихи ее памяти...

Алла Мамонтова:

– Люся была очень-очень неравнодушным человеком, она была расположена к людям. Ее интересовало абсолютно все

В спектакле «Тартюф»

Ведущие вечера памяти

– как ты репетируешь, как ты играешь, в чем ты пришел в театр, в каком настроении... Люся жила театром, он был для нее второй дом.

Карина Кения:

– Это был человек, который всегда протягивал руку помощи. У нее было качество, которое не так часто встречается сегодня, – сострадание. К человеку, к животным...

Аполлон Кублашвили:

– Не было спектакля, в процессе работы над которым Люся бы мне не помогала. Она была сильным, надежным человеком, никогда не уставала, у нее все было под контролем. Помню конец октября, мы на фестивале в Одессе, мерзнем, а Люся плавает в море... Мы очень скучаем по ней...

София Ломджария:

– Люсю мы все время вспоминаем и как бы проецируем... растаскали ее шуточки на цитаты... Я даже не могла себе представить, что так сильно будет ее не хватать. Люся занимала так много места в жизни театра, а мы этого даже до конца не понимали. И когда она ушла, мы стали неосознанно заполнять образовавшуюся пустоту, воспроизводя какие-то вещи, как если бы Люся была с нами.

Авто Варсимашвили:

– Люся играла во всех моих спектаклях. Можно ли что-нибудь добавить к сказанному? Когда режиссер так много работает с актрисой, это значит не только то, что она была талантлива, Люся была подругой. Стала моим талисманом. На протяжении многих лет она была моей соратницей. Я всегда чувствовал ее плечо. Актеры есть – друзей мало...

SINCE 1884

SARAJISHVILI

სარაჯიშვილი

Фото Александра Сватикова